

Сергей Раткевич
Чаша тьмы
Серия «Два цвета вечности», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163357
Чаша тьмы: Лениздат; «Ленинград»; СПб.; 2008
ISBN 5-289-02592-8

Аннотация

Черный маг стоял у черты. Черта рассекала мир надвое. По одну сторону была живительная искрящаяся смерть, восхитительная, завораживающая, сводящая с ума гибель, по другую – все кончалось и не было ничего. Ни пленительного могильного плена, ни восхитительной кладбищенской гнили – ничего... Только унылая пустота жизни, присыпанная тусклым пеплом человеческого существования. Странные существа, схожие с тенями, лишённые магии, обречённые на жизнь, копошились в этой пустоте, и маг не мог подарить им радость смерти. Хотя должен был. Он обещал.

Он... Маг Смерти. Убийца. Лучший убийца Ордена Черных Башен. Маг, убивший себя, но задержавшийся на Пороге, чтоб нести смерть другим.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Раткевич

Чаша тьмы

– Маги – это такие специальные общественно бесполезные субъекты, которые прилагают максимум усилий для того, чтобы это их основное качество было замечено и надлежащим образом оценено активным большинством человечества, – заметил как-то Мур своему другу Великому Магу Курту. Ответ Великого Мага история сохранила, но меня до сих пор в ту сокровищницу старинных манускриптов не пускают. А чтоб убедить тамошних драконов в моей непричастности к гнусному племени сказителей, занимающихся предосудительным разглашением секретной информации, у меня не хватает четырех амулетов и двух артефактов. Так что простите великодушно.

ПРОЛОГ

Архимаг спал и видел страшный сон. Ну очень страшный. Снился ему Эруэлл Первый, Верховный Король Оннерского Союза. Никогда не виденный им Эруэлл. Загадочный Эруэлл.

Враг.

Непредсказуемый и таинственный, он снился так нагло, будто они были давно знакомы. Он грозился растоптать Башню Архимага, и это вполне могло получиться. У него были очень большие сапоги. А колдовать у Архимага не получалось. Совсем не получалось. Архимаг не знал – почему. Он стонал и ворочался во сне. А потом проснулся.

Тоже во сне, разумеется.

И новый сон был ничуть не лучше прежнего.

Архимагу снились сумерки. Седые сумерки стояли над миром, а в сумерках его ждал...

Архимаг вновь застонал. На сей раз от досады. Проклятый Эруэлл и здесь успел! Пролез незванный. Архимаг хотел проснуться, но у него не вышло. Сон не хотел отпускать его.

Однако попытки проснуться что-то изменили в субстанции сна. Сон стал похож на картину. Живую, подвижную картину. Вот только Архимага в ней больше не было. Или все-таки был? Несколько долгих, словно вечность, мгновений, задыхаясь от непередаваемого ужаса, Архимаг искал себя.

Нашел. Ухватил покрепче. Облегченно выдохнул. Так где же он все-таки? Ага. Все еще здесь. В странном сне, напоминающем картину.

Пытаясь проснуться, он наполовину выскользнул наружу, но застрял и приклеился к раме. Теперь он мог только видеть, но не действовать. А Эруэлл был уже не один. Архимаг аж зубами закрипел от злости. Того, другого, он ненавидел, пожалуй, похлеще Эруэлла. Проклятый Всадник-Из-Облаков! Мерзкий дух-хранитель мерзкого Оннера! И эти двое премило себе раскланивались. Хорошо хоть, его не замечали. В этом сне Архимаг боялся их обоих – а его магия по-прежнему не подавала признаков жизни.

Раскланявшись, Всадник и Эруэлл заговорили. Архимаг прислушался.

– Ты не сможешь разделить со мной трапезу, – говорил Всадник. – Но испытать моего вина ты должен.

В руках Всадника появилась Чаша – и Архимаг отчего-то испугался еще больше.

– За победу! – сказал Всадник, и эти слова прозвучали для Архимага смертным приговором.

Всадник как следует приложился к Чаше, после чего протянул ее Эруэллу. Эруэлл посмотрел в Чашу – и Архимаг посмотрел вместе с ним. Эруэлл был далеко, но Архимаг как-то дотянулся. Заглянул в Чашу. Вина в ней не было. Вместо вина в ней быстро бежали серебристые облака, тяжело накреньясь, неслись тучи, мрачные ветры угрюмо брели по алым дорогам, трещало небо под могучей поступью великана-грома и серебристые волки молний мчались у его ног. Чаша была полна неистовой грозы. Чаша дышала свирепой яростью бури. Архимаг почувствовал, что его затягивает, что некая неодолимая сила уже тащит его туда, во вдруг приблизившуюся и ставшую огромной Чашу, что еще миг – и он ухнет в эту неодолимую и страшную бездну. С диким криком он шарахнулся назад, еще крепче влипая в раму.

А проклятый Эруэлл выпил Чашу до дна. И даже ни разу не содрогнулся.

– За победу. – повторил он слова Облачного Всадника.

– Тебе понравилось мое вино? – спросил тот.

«Ничего себе – вино!» – с содроганием подумал Архимаг.

– Да, Хранитель. Очень понравилось, – ответил проклятый Эруэлл, этот ходячий кошмар черных магов.

– Добрый знак! – порадовался Облачный злодей. – Если тебе придется звать меня в случае крайней беды – зови меня Фрегонн, – добавил он Эруэллу.

Имя со звоном отскочило от ушей Архимага. Огнем опалило губы.

– Ничего. Я запомню, – мстительно прошептал Архимаг. – И позову как-нибудь.

– Таково мое Имя сейчас, – тем временем поведал Всадник Эруэллу.

– Сейчас? – удивился тот.

– Имена облетают, как листья. – ответил Всадник. – Встретимся в бою.

– Встретимся, – кивнул Эруэлл.

– Встретимся-встретимся! – хихикнул Архимаг и проснулся.

И тут же забыл имя. Напрочь. И еще раз проснулся. И вновь обнаружил себя прилепленным к раме – а это значило, что сон продолжается. Или это был уже какой-то другой сон? Кто знает? Во всяком случае, в картине больше никого не было. Совсем. И только далеко-далеко, в Ордене Черных Башен, стонал и ворочался во сне Архимаг. Ему снился дурной сон.

«А я тогда – кто?» – испуганно подумал Архимаг.

И проснулся.

И ничего такого не вспомнил. Архимагам ведь и вообще сны не снятся. Им это по рангу не положено.

– Во загнул! – удивленно воскликнул Эстен Джальн. – Спит и себя во сне видит, как он спит и себя во сне видит! До чего же все громоздко и в то же время беспомощно. Пожалуй, это все-таки не эстетично. Даже антиэстетично. И подумать только, что это я сам, своими руками, сотворил такую пакость. Нет, решительно, художники не должны творить в дурном настроении. Столько веков потом позору не оберешься!

– А главное, обязательно найдется придурок, который объявит, что это-то и был твой самый главный шедевр, – заметил Ученик.

– Лучше ему не находиться, – с угрозой заметил Художник. – А то ведь я ему отомщу.

– Как? – полюбопытствовал Ученик.

– Я его нарисую, – со зловещей нежностью пообещал художник.

– Чего только не приснится, – проворчало Чудовище, захлопывая недочитанный роман о похождениях Зикера в Стране Теней.

– Ну и дурацкий же сон мне приснился, – пожаловался Курт, укоризненно глядя на посох. – Будто я Архимаг, представляешь? А все из-за того, что я тебя под голову сунул.

– А вот будешь знать, как что попало под голову класть, – ехидно заметил Мур.

И еще несколько человек плохо спали в ту ночь. А Верховный Король Эруэлл не спал вовсе. Или все-таки спал? О таких событиях трудно сказать что-либо наверняка. Он сидел на своей постели, сжимая теплую ладошку жены, но рука его еще помнила запредельный холод Чаши. Было? Не было? Сон или явь? Руны на древнем топоре Шенген красновато мерцали, отражаясь в ее встревоженном взгляде.

ЧАСТЬ 1

– И кто это придумал, будто портал – это устройство для мгновенного и безопасного перемещения на значительные расстояния? – ворчал Курт, потирая ушибленный о пустоту локоть. – Второй час тут болтаемся. Тоже мне «мгновенно и безопасно»! Видал я такую безопасность...

– ...и дальность тоже, – ехидно хмыкнул он, вывалившись из портала в двух шагах от того места, где и вошел в него. – Два шага за два часа! – подсчитал он. – Один шаг в час. Рекорд. Ни одной черепахе за мной не угнаться.

– Не отчаивайся, – утешил его Мур. – Кто знает, быть может, ты облетел весь свет? Просто свернул неудачно – и вновь оказался тут.

– Предлагаешь попробовать еще раз? – Курт скривил недовольную мину.

– Предлагаю?! – возмутился посох. – Настаиваю!

– Три дня назад ты мне сказал, что после первого же урока – в Джанхар. – напомнил Курт.

– Ты мне это после каждого урока говоришь. – заметил Мур.

– Потому что это правда, – не сдавался Курт.

– Три дня назад я был лучшего мнения о твоей способности учиться, – пояснил посох. – Впрочем, быть может – после сегодняшнего занятия... если, конечно, ты будешь стараться.

– Но ведь ты сам говорил, что тебе нужно в Джанхар, – попробовал пуститься на хитрость Курт.

– И не надейся, – ласково заметил Мур. – Мне просто стыдно будет тащить с собой такого неумеху. Что обо мне другие посохи подумают?

– Но ведь...

– Хватит! – рявкнул посох. – Я тебе поотлыниваю! А ну-ка работать!

– О Боги! Да ты просто тиран какой-то! – простонал Курт.

– Думаю, ты еще не знаешь, что означает это слово, – промолвил Мур.

– Судя по твоему многообещающему тону, скоро у меня будет самая свежая информация по данному вопросу, – вздохнул Курт.

– Будет, – усмехнулся посох. – Еще как будет.

Однако спустя три часа они и в самом деле отправились в Джанхар. И разумеется, при помощи портала. Мур любой ценой стремился развивать и закреплять в Курте нормальные магические способности.

– Маг сам должен управлять своей силой, – поучал он его. – Маг, не знающий своей силы, не способный справиться с ее проявлениями, маг, которым его сила крутит, как захочет, – не маг, а одержимый. И чем больше его сила, тем он опаснее.

Мур словно с цепи сорвался, стремясь наверстать упущенное. Наверстать все то время, когда он вынужден был мириться с ролью бесполезного придатка, болтливой куска дерева, способного лишь доставлять боль и неудобства своему хозяину. Впрочем, иногда Курту казалось, что он и сейчас занимается тем же самым, просто возможностей у него теперь не в пример больше. Кое-что у Курта выходило неплохо – но вот порталы... А Мур как раз к ним и прицепился, твердя, что маг, не способный быстро уйти из опасного места либо внезапно появиться там, где его никто не ждет, недорого стоит в нынешние недобрые времена. Дались ему эти порталы!

В первый раз Курт вывалился в гущу какой-то битвы. Взмах меча едва не снес ему голову. Счастье еще, что он поскользнулся в луже чужой крови и упал, больно ударившись о брошенный щит. То еще, конечно, счастье – но хоть живой!

– Назад! – рявкнул Мур.

Курт напрягся, и они вновь оказались на прежнем месте.

– А вот теперь – неплохо, – довольно отметил Мур. – Возвращение прошло почти блестяще. Окажись мы на пару шагов правее, и у меня вовсе не было бы никаких претензий.

– Зато у меня есть претензии, – пробурчал Курт.

– Да ну? – удивился посох. – Какие?!

– Как это – какие?! Меня чуть не убили! – возмутился Курт. – Ничего себе – «какие?»!

– Не горюй, – утешил его посох. – Ну убьют. Мелочи какие. Зато порталом пользоваться научишься.

– Ага. И мертвому мне это умение обязательно пригодится, – фыркнул Курт.

Но все же согласился попытаться еще раз. Попробуй тут не согласиться. Пробовал уже. И что вышло? Да-да, вот то самое и вышло. Так что лучше даже не пытаться.

На сей раз они очутились на высоченной голой скале. Под ногами был жесткий камень, а вокруг была пустота. Такая, что дух захватывало. Курт не решился приблизиться к краю и посмотреть вниз, он гнал от себя безумную истерическую мысль о том, что внизу и вовсе ничего нет, что утес, на котором он находится, висит в крошечной пустоте и оскал этой пустоты радостно глянет на него, едва он посмеет заглянуть за край... впрочем, в глубине души он и в самом деле был уверен, что там ничего нет. Совсем ничего.

– Мы выше облаков, – спокойно отметил Мур. – Но, боюсь, нам здесь нечего делать. Это не похоже на Джанхар. Потом – отсюда было бы неудобно спускаться.

– Я тоже так думаю, – с облегчением отметил Курт.

«Неудобно спускаться!!! Нет, вы это слышали?!»

Вновь сотворенный портал перенес их обратно.

– Отлично, – отметил Мур. – На сей раз просто отлично. С возвращением в исходную точку у тебя проблем не будет. Давай дальше.

Курт сосредоточился – и...

...на сей раз они действительно оказались в Джанхаре. В постели парочки, увлеченно занимавшейся любовью.

Оглушительный визг женщины, проклятия мужчины... Курт и сам не заметил, как вновь оказался на поляне.

– Это был Джанхар! – торжественно сообщил посох.

– Тебе бы такой «джанхар»! – с чувством произнес Курт, пытаясь подбитым глазом разглядеть расцарапанную щеку. Поскольку глаза у него не росли на стебельках, разумеется, ничего у него не вышло. Глаз на стебельках не бывает даже у очень великих магов.

– Давай телепортируйся еще раз! – потребовал Мур.

– Давай, – вздохнул Курт. – Но теперь я сразу буду орать, что это ты во всем виноват.

– Люди обожают сваливать свои ошибки и преступления на подвластные им многострадальные существа, – скорбно промолвил Мур. – Ори. Что я могу? Запретить эту наглую клевету я не в силах.

Курт заскрипел зубами и вновь шагнул в сотворенный портал.

– Гостиница! – удивленно заметил он, появляясь из портала.

– «Белый Плащ»! – воскликнул Мур. – Это же на границе с Джанхаром!

– Тогда все, – решительно объявил Курт. – Здесь мы и заночуем. Я хочу есть и спать. А уже завтра – в Джанхар. И никаких больше занятий на сегодня!

– Кто бы мог подумать, оказывается я столько своего драгоценного времени убил на лентяя, обжору и соню! – ядовито заметил посох.

– Заткнись, а то в камин суну! – пригрозил Курт, заходя в гостиницу.

– Интересно, а на какие деньги ты собираешься есть и спать? – негромко поинтересовался посох. – Насколько я помню, у тебя ни монетки нет.

– А вот тут ты ошибаешься, – усмехнулся Курт. – Правда, не то чтобы очень уж сильно, но все-таки. Одна монетка у меня все же есть. Честно говоря, тратить ее мне совсем неохота, но заработать себе на хлеб и ночлег я уже не в силах. Ты меня совсем загонял. И если я немедленно что-нибудь не съем, то умру какой-нибудь страшной магической смертью. Превращусь в жуткий призрак и буду пугать добрых людей ужасными голодными криками. Так что уж чему быть, тому и случиться. Монетка эта у меня «на счастье» – но ты ведь, насколько я помню, обещал мне, что в Джанхаре меня и накормят, и напоят, и пенсию дадут? Королевскую пенсию, если я ничего не путаю.

– Ты не путаешь, – подтвердил Мур. – Дадут.

– Вот, – сказал Курт. – Значит, свою монетку «на счастье» я сейчас и потрачу. Всю дорогу берег, а сейчас потрачу. А там пусть уж король о моем счастье заботится.

– Регентский Совет, – возразил посох.

– Что? – не понял Курт.

– Регентский Совет о тебе позаботится, – ответил посох. – Король слишком мал, чтобы заботиться о таком великовозрастном лоботрясе, как ты. У него и без того дел хватает. Он сейчас, небось, чистописанием да грамматикой занят.

Послышались шаги. Хозяин гостиницы уже торопился им навстречу.

– Чего изволит высокородный... – начал он и осекся. Его взгляд обежал обтрепанную фигуру Курта. Да уж... кем-кем, но высокородным Курт в своей одежонке не выглядел. Даже с очень пьяных глаз не выглядел. А хозяин гостиницы пьяным не был.

– Ну? Чего тебе? – недружелюбно поинтересовался он. – Здесь не подают. Здесь приличное заведение.

– У меня деньги есть, – поведал Курт. – Я заплачу.

– Заплатил один такой, – пробурчал хозяин гостиницы. – Повторяю, у меня приличное заведение. И всякие мне тут не нужны. Даже если у них деньги есть.

Он фыркнул.

– В конце концов, почему бы тебе не переночевать в той канаве, из которой ты вылез? Сейчас ночи не холодные.

– Мне поесть хотя бы... – жалобно проговорил Курт.

– Поесть. – Взгляд хозяина гостиницы смягчился. – Погубит меня когда-нибудь моя доброта, – вздохнул он. – Но не умирать же тебе с голоду.

Он еще раз окинул Курта глазами и покачал головой.

– Тощий какой совсем, – пробормотал он. – Ладно, пойдем на кухню. Только стен не касайся. Их недавно мыли.

Вслед за хозяином гостиницы Курт прошел чистыми и светлыми коридорами, несколько раз свернул и оказался перед маленькой дверью. Скромный низенький вход вел в кухню совершенно великанских размеров. В громадном очаге полыхал огонь, на котором можно было с легкостью зажарить средних размеров дракона. Неимоверное количество котлов, котелков и даже котлиц мерцало в отблесках этого огня. Они стояли на столах, подставках, полках и еще на чем-то, чего Курт не рассмотрел. Кроме одного большого очага было еще несколько малых, на которых готовилось что-то совсем уж особенное. Словно сказочные сокровища в пещере гномов, на сверкающих подносах возлежали разные, в том числе и никогда не виданные Куртом, орудия кухонного ремесла. Хотя какое ремесло? Тут искусством занимались. Творчеством. Трое в белоснежных халатах ловко сновали среди всего этого великолепия вкусной еды. И в их ловких, как у бродячих факиров, руках словно по волшебству созревали завтраки, обеды и ужины.

– Саф! Вэрн! Трит! – позвал хозяин.

Повара вмиг оставили работу и подошли к нему.

– Да, шеф?!

– Накормите этого бродягу чем-нибудь, – распорядился хозяин гостиницы. – И... есть у нас какая работа во дворе? Он тут грозился заплатить. – В голосе хозяина гостиницы промелькнула усмешка. – Но откуда у такого обалдую деньги?

Лица поваров расцвели понимающими ухмылками – ну действительно, откуда у такого обалдую деньги, ясно же, что не может быть такого.

– Гарт заболел, – сообщил один из поваров. – Так что дрова носить некому. На сегодня, конечно, хватит, но кто его знает, этого Гарта, будет он завтра или как?

– Значит, дрова, – кивнул хозяин. – Отлично. Саф! Поручаю его тебе. Пусть поест чего – и за дрова берется.

– Я не буду таскать дрова, – устало выдохнул Курт, доставая монетку. – У меня есть деньги. Вот.

Он ткнул монетку в лицо хозяина гостиницы.

Тот вспыхнул. Его лицо побагровело от гнева. Уперев руки в бока, он пронзительным взглядом уставился на Курта.

«Ах ты негодяй! Мерзавец! – вопил его взгляд. – Тут тебе благодеяние оказывают, а ты?!»

На монетку он даже и не глянул.

Курт решил не сдаваться. Что же это такое, в конце концов, что же это за порядки такие, если за свою собственную монетку человек поест не имеет права?! И ведь не краденая монетка! Дареная. А значит, совсем-совсем его. И он не смеет, этот жирный богатей, презирать его последнюю, единственную монетку. Да как у него вообще язык повернулся – платежеспособному посетителю предложить подачку?! Дрова какие-то! Ах ты...

От возмущения Курт шлепнул хозяина гостиницы монеткой по носу. Он не собирался драться. Это само получилось. Просто рука дернулась, и все тут.

Хозяин оторопел. На миг он замер, хватая воздух открытым ртом, лицо его, и без того багровое, продолжало темнеть, Курт испугался уже, что хозяина гостиницы прямо на месте и удар хватит, но тут взгляд его выкатившихся из орбит глаз упал на монетку, которую Курт все еще держал у него перед носом. Хозяин тихо выдохнул и посмотрел на Курта. На монетку. Опять на Курта. И вновь на монетку. Внезапно лицо его побледнело. Упертые в бока руки повисли. Теперь он смотрел на Курта жалобно и растерян. Открыл рот, собираясь что-то сказать, да так и закрыл, не произнеся ни звука. Повара беспокойно шевелились, но хозяин не подавал им ни одного внятного знака. Они не знали, что делать, и не могли ни на что решиться без его приказа.

– Ага... у вас действительно есть... деньги, – наконец выдавил из себя хозяин гостиницы каким-то странным голосом. – В таком случае... пойдете.

И ухватив Курта за руку, он решительно повлек его прочь из кухни.

– Но как же дрова?! – просительно воскликнул один из поваров.

– Ойхиту скажите! – на ходу откликнулся хозяин гостиницы, захлопывая кухонную дверь.

– Ага. Ему скажешь. Как же! – расслышал Курт воркотню поваров. – Он нам так скажет, что мало не покажется.

Коридор свернул. Голоса стихли.

Крепко сжимая Курта за руку, хозяин гостиницы перебирал ногами с такой быстротой, словно вознамерился обогнать королевского скорохода. Курту волей-неволей приходилось следовать за ним.

– Деньги есть... деньги есть... есть деньги... – бормотал хозяин гостиницы себе под нос.

«И куда он меня тащит?» – подумал Курт, и нехорошие предчувствия закрались в его душу. У него даже возникло желание огреть этого бормочущего субъекта посохом по башке и

драпать, покуда цел. Желание настолько сильное, что стоило большого труда удержаться. Во-первых, Мура жалко. Нечего отбивать его священный набалдашник о глупые головы разных невменяемых субъектов. Во-вторых, проклятая деревяшка злопамятна, как тысяча демонов, оскорбится ведь и, как пить дать, отомстит. Ну а в-третьих, Курт уже давно не беззащитный мальчик, и если господин хозяин гостиницы вздумает его обидеть... ну, в общем, Курт ему заранее не завидовал.

Однако каково же было его удивление, когда, заведя его в какой-то закуток, хозяин гостиницы упал перед ним на колени.

– Господин Главный Резидент! – возгласил он.

– Что? – дернулся Курт, шаря глазами по сторонам в тщетной попытке разглядеть того, к кому обращался хозяин гостиницы. Однако, кроме них двоих, в закутке никого не было, если только этот псих не разговаривал сам с собой – впрочем, вторая версия нравилась Курту ничуть не больше первой.

– Надо было тебе дров наносить! – шепнул Мур.

– Господин Суперагент! – тем временем возопил хозяин гостиницы.

– Да я... – попытался возразить Курт.

– Молчи! – прошипел Мур.

– Ваша Милость! – продолжал восклицать хозяин гостиницы.

– Да я... – еще раз попытался Курт.

– Молчи! – вновь прошипел Мур.

– Простите великодушно! – взвыл хозяин гостиницы ударяя лбом об пол. – Не признал!

– Ты что, с ума спятил?! – взорвался Курт.

– Спятил, Ваша Милость, – покаянно признался хозяин гостиницы. – Не иначе как спятил. Не признать Вашу Милость... Для этого и в самом деле спятить нужно. Конечно, Ваша маскировка – как всегда, само совершенство, но ведь я всегда сердцем, сердцем чувал, а тут...

– Но ведь я не... – начал Курт.

– Молчи! – шепотом гаркнул Мур.

– Простите великодушно, Ваша Милость, – ныл хозяин гостиницы. – Двадцать лет беспорочной службы... один раз оступился... больше не повторится...

– Прощай его, идиот! – яростно прошептал Мур.

– Прощаю, – выдавил из себя Курт, – но чтоб больше и в самом деле не повторялось, – добавил он с божественной небрежностью.

Ему это было нетрудно. Он ведь и в самом деле побывал Богом. Такое не забывается.

Хозяин гостиницы от восторга, казалось, готов был башмаки ему вылизать – но Курту не нужно было, чтоб ему вылизывали башмаки, он предпочитал, чтобы их почистили, а еще лучше – заменили новыми. Будучи Богом, он себе справил обувь что надо... так ведь потом битва была. А после битвы от башмаков остались одни воспоминания. Или от сапог? Он уже не помнит. То, что на нем обуто, равным образом не похоже ни на то, ни на другое. Оно и вообще ни на что не похоже. Разве что на его одежду похоже, она такая же страшная. Немудрено, что хозяин гостиницы не хотел его пускать. Даже за деньги не хотел. Мало ли чего от такого вот оборванца ожидать можно? А оборванец-то еще и с дубинкой. На разбойника, конечно, не слишком похож, разбойники, они поплотней из себя будут, да и смотрят по-другому – понаглей, поуверенней, но... мало ли что? Нет. Нельзя упрекать хозяина гостиницы. Тем более что он и одежду новую принес. И обувь. И комнату приготовил. Ничего себе комната! Курт такой отродясь не видел. При ней даже ванна имеется. Ванна! С горячей, между прочим, водой. И обед сейчас принесут. Чего изволите приказать, Ваша Милость? Только-то? Сейчас все приготовим. Мигом. Не извольте гневаться, уже все несут. А сообщение посылать ли?

Курт уже собирался спросить, что еще за сообщение такое, но Мур на него сердито прищипнул, и он велел посылать. И как можно быстрее.

Чудеса, да и только.

Уже когда хозяин гостиницы ушел, Курт сообразил, что монетку он так и не взял. Или здесь денег вперед не берут? Но даже если и так, одной серебряной монетки, да еще и старой, неходовой, кто знает, в каком королевстве выпущенной, маловато за такие роскошества. А внезапный испуг хозяина, все эти «ваша милость»?

Что-то тут не то.

«Во что я на сей раз впутался?» – сам себя спрашивал Курт.

Впрочем, ответа он все равно не знал. Зато его посох...

– Покажи мне скорей свою дурацкую монетку! – решительно потребовал Мур.

– Да смотри, жалко, что ли... – недоумевающе проговорил Курт, на раскрытой ладони поднося к посоху монетку.

– Где ты ее взял? – почти испуганно поинтересовался Мур.

– Элна дала, – растерянно ответил Курт. – А что?

– Какая такая Элна?! Говори! – потребовал посох.

– Соседка по кружке, – ответил Курт. – Это в Денгере еще.

– Когда ты нищим был? – нетерпеливо уточнил посох.

– Зазывалой для нищих. – поправил Курт. – А когда я уходил, Элна мне монетку и дала. А что? Ей кто-то подал, а она – мне. На счастье. Монетка-то старая. Особой цены не имеет. Что тут такого?

– Таких монеток, – негромко проговорил посох, – на всем белом свете сотни три, не более.

– Такая редкая? – удивился Курт. – Надо же! Вот не знал.

– А с такой зазубриной и царапиной по краю их и вовсе десять штук, – добавил Мур.

– Десять штук? Мур, ты шутишь, – покачал головой Курт. – С такой зазубриной и царапиной она и вовсе одна. Это когда у меня гвоздь из башмака вылез, а я его обратно упихать пытался... ну ничего под рукой не оказалось, ни камешка какого, ни палки, так я его монеткой решил... совсем ведь выскочил, прямо в пятку, и никак его обратно было не загнать. А монетка помогла. Враз на место вставился. Да только она соскочила пару раз, пока удалось.

– Курт, ты не врешь? – замирающим голосом осведомился Мур.

– Да нет. А зачем? – непонимающе отозвался Курт.

– Курт, это важно, – настаивал посох. – Все было действительно так, как ты говоришь?

– Так и было, – пожал плечами Курт.

– Значит гвоздь, – каким-то странным тоном проговорил посох.

– Гвоздь, – кивнул Курт.

– Монеткой, – продолжил посох, словно затеявая какую-то странную игру в вопросы и ответы.

– Монеткой, – кивнул Курт, глядя на него непонимающим взглядом. И тогда Мур расхохотался так оглушительно, что Курт испугался, как бы потолок этой великолепной спальни не рухнул ему на голову.

– Да знаешь ли ты... – стонал сквозь смех посох. – Да знаешь ли ты, что... Нет! Ты даже представить себе не можешь!

– Не знаю. Не могу, – честно ответил Курт. – И даже не надейся, что угадаю. Лучше сам скажи.

– Нет, с тобой если что-то и случается, то каждый раз что-то невероятное! – отсмеявшись воскликнул Мур. – Одна твоя божественность чего стоит! А уж монетка! Знать бы мне раньше...

– Вот уж не думал, что ты коллекцию собираешь, – пошутил Курт.

– А это смотря какие монетки, – фыркнул посох. – Такие – собираю. Я же сказал тебе – их всего десять. А то что ты собственноручно изготовил одиннадцатую... знаешь, сейчас я уже не думаю, что это всего лишь смешно. Вещи, подобные этой, просто так не случаются.

– Может быть, ты и мне что-нибудь расскажешь об этих «просто так не случающихся вещах»? – предложил Курт.

– Обязательно расскажу, – пообещал посох. – Уже хотя бы потому что это в корне все меняет. Теперь у меня есть наконец, с чем предстать перед Верховным Магом Джанхара. А ты можешь рассчитывать на куда большее, чем королевская пенсия. Более того, теперь поступок моего последнего хозяина, ПЕРЕДАВШЕГО меня тебе, вовсе не кажется мне таким уж диким. Напротив – думаю, приближающаяся смерть обострила его способности. Думаю, он ЗНАЛ, кому передает джанхарский посох. Человеку, невзначай сотворившему одиннадцатую монету. Сотворившему почти из ничего. Из несчастного случая и удачи.

– Я сейчас раздуюсь от гордости, – фыркнул Курт. – И умру от любопытства и непонимания.

– Будучи магом, не стоит бросаться такими обещаниями, – заметил посох. – Сейчас я тебе все расскажу.

– Слушаю тебя внимательно, как никогда, – почти серьезно поведаль Курт. – Начинай. Не тяни.

– В Джанхаре, как и в любом королевстве этого мира, есть своя разведка, – начал Мур. – Так вот, конкретно джанхарская разведка поделена на десять отделений – или секторов – и...

– Постой, Мур! – решительно оборвал его Курт. – Ты действительно уверен, что имеешь право сообщать постороннему, то есть мне, эти, без сомнения, секретные сведения? Или ты решил убить меня по окончании своего разьяснения? Имей в виду – я против.

– Ну вот еще! – усмехнулся посох. – Боюсь, с недавних пор твоё убийство является серьезным государственным преступлением. А насчет разглашения... не думаю, что в этой комнате есть посторонние. И вряд ли можно считать преступлением то, что в бумагах всех бюрократов всех времен и народов именуется «доведением до сведения».

– Доведением до... – пробормотал Курт. – Мур, ты меня сейчас точно доведешь. И не только до сведения, а гораздо дальше. Объяснись, будь добр.

– Так ты все еще ничего не понял? – поразился посох. – Десять монеток, десять отделений Департамента Разведки, ты создал одиннадцатую монетку – не понял?

Курт только вздохнул. Мысли у него в голове были. Разные и даже всякие мысли, но вот оформлять их в слова как-то не хотелось. Скажешь еще – а потом так и выйдет. Нет уж, пусть-ка Мур сам скажет, вдруг да еще что другое выйдет? Ну вот не хотелось Курту додумывать свои думы. Слишком уж они тяжеленные. Не хотелось ему проверять свои подозрения. Слишком уж они подозрительные. Страшноватые даже. Он еще и с магией своей как следует не смирился, а тут – на тебе, новая пакость.

– Так значит – не понял? – продолжал допрос Мур.

Курт отрицательно покачал головой.

– Ну ты тупо-ой! – с наслаждением протянул посох. – Даже приятно, что такие тупые бывают. На твоём фоне сразу гением себя чувствуешь.

– Чувствуй на здоровье, – усмехнулся Курт. – Мне не жалко. А между делом объясни мне тупому, что это все-таки за «доведение до сведения» и почему тебе можно вываливать на меня страшные тайны, за которые иным прочим головы только так рубят?

– Объясняю, – важно промолвил Мур. – Не может считаться преступлением сообщение о существовании десяти отделений Департамента Разведки главе одиннадцатого отделения. Скорей уж это моя обязанность.

– Что? Что ты хочешь этим сказать? Ты хочешь сказать, что я?.. – Худшие опасения Курта сбывались, и как! Сам он нипочем до такого не додумался бы, но Судьба оказалась куда как изобретательнее. – Это какая-то шутка? – упавшим голосом предположил он.

– Смейся, если тебе смешно, – ехидно разрешил посох. – Впрочем, лично мне это смешным не кажется. Такой пост – дело серьезное. Даже не знаю – справишься ли?

– Мур, ты шутишь, – слабым голосом прошептал Курт. – Нет... ты врешь. Ты просто гнусно издеваешься.

– Богом ты уже побывал, – напомнил Мур. – Так почему бы...

– Нет, такая ерунда просто не может быть правдой! – Курт решительно покачал головой. – Ты что... и в самом деле хочешь сказать, что я являюсь главой какого-то вашего дурацкого департамента?!

– Не департамента, а отделения департамента, – поправил посох. – И не какого-то, а конкретно – одиннадцатого. Доселе не существовавшего в природе.

– Мур, но это бред! Меня никто не назначал, – возразил Курт. – Сам подумай, как я мог стать главой чего-то, о чем я даже понятия не имел?!

– Ты сам себя назначил, когда чинил башмак и поцарапал монетку, – радостно поведал посох.

– Да что такого ты углядел в этой чертовой монетке?! – зарычал Курт. – Подумаешь, царапина!

– Ты что – и в самом деле думаешь, что тот сложнейший узор, который па ней возник, мог получиться случайно? Да еще и как две капли воды похожий на остальные десять? – поинтересовался посох.

– Сложнейший узор? – удивленно пробормотал Курт.

– Сделай милость, посмотри на нее хорошенько, – потребовал посох.

Курт осмотрел монетку и только головой покачал.

– Надо же, – пробормотал он. – Это чтобы обыкновенный гвоздь...

– Именно, – поддакнул посох.

– И ведь если не приглядываться...

– Именно, – еще раз поддакнул Мур, – если не приглядываться – нипочем не догадаться. Тот, кто смотрит на монету, обычно интересуется ее достоинством, а не царапинами на ее поверхности.

– Но как я мог?

– Ты – никак, – промолвил посох. – Никаким образом ты не смог бы оставить такой узор на поверхности своей монеты. Над его созданием не один год мага трудились. Так колдовали, чтоб его не только случайный человек, но и опытный маг, знающий, чего он добивается, подделать не мог. А вот твоя сила... зачем-то ей захотелось назначить тебя на этот пост. Твоя сила смогла обойти заклятия джанхарских магов.

– Но я все равно не понимаю, как эта монетка связана с тем... – начал Курт. – Нет, понимаю, наверное, – перебил он сам себя. – Но ты все же объясни мне внятно.

– Если б ты не прерывал меня, я бы давно это сделал, – заметил посох. – Все просто. Во главе каждого отделения разведки стоит его начальник, также именуемый страшными словами «главный резидент», «суперагент», «руководитель сектора» и прочими страшилками для умственно отсталых магов. У каждого из них есть такая же монетка, известная любому джанхарскому разведчику или агенту. – Значит, хозяин этой гостиницы...

– Наш агент, – закончил Мур. – Причем не из крупных. Так, мелкая сошка. Ничего серьезного ему не поручают. Отсюда и его ужас. Так оскорбить одного из десяти своих самых главных начальников. Он ведь не знает, что ты – одиннадцатый. Да притом сам себя назначил.

– Ну, положим, я и сам об этом только что узнал, – вздохнул Курт. – И что теперь делать?

– Умыться. Поесть. Выспаться. И ждать, – ответил посох.

– Чего ждать? – тихо спросил Курт.

– За нами скоро придут, – пообещал посох.

– Придут?

– А ты думаешь, чего это хозяин умчался, как осенний ветер, дующий с гор? – усмехнулся посох. – Он сообщение посылать отправился. По твоему, между прочим, приказу. Где-то здесь у него есть магический кристалл. Сам-то он, конечно, не маг, не ученик даже – но пару-тройку заклятий на такой случай знает. Так что скоро у нас будут гости. Это ж не шутка – сам господин Главный Резидент с задания прибыл. Такое не каждый день бывает, можешь мне поверить.

– Верю, – сказал Курт, ныряя в горячую ванну. – Послушай, а передать мне пирог ты сможешь?

– Не стоит, – усмехнулся посох. – Размокнет еще.

– А сделать так, чтоб не размок? – блаженно пробормотал Курт, нежась в горячей воде.

– Лентяй ты, вот ты кто, – проворчал посох. – Хочешь жрать под водой – сам и колдуй.

– А я всегда думал, что маги колдуют с помощью посохов, – зевнул Курт.

– Это посохи колдуют с помощью магов, если тебе так уж интересно, – отозвался

Мур. – И вообще – мойся и не болтай. Вряд ли тех, кто за нами прибудет, стоит встречать, голышом сидя в остывшей ванне.

– Еще глупее принимать их, сидя в ванне одетым, – ухмыльнулся Курт.

– Болтай-болтай, – проговорил посох. – Еще малость поболтаешь – и пожарть уж точно не успеешь.

Курт не знал еще тогда, до какой степени прав его деревянный приятель. А уж до какой степени он *не прав*, не знал и сам Мур.

Шедд Тайронн подул на онемевшие пальцы и сухо, без слез, всхлипнул – отчаянно, обреченно. До свободы рукой подать – однако стоит протянуть эту самую руку, как она отнимается от невыносимой боли. Ему осталось сделать шаг, один только шаг... но этого-то шага он сделать и не может.

Шедд Тайронн не мог пересечь границу королевства Рон. Границу, возле которой он стоял под проливным дождем вот уже третий час, не то надеясь на какое-то неведомое чудо, не то ужасаясь самой мысли, что план его провалился и ему придется вернуться.

Кое-как непослушными руками Шедд Тайронн сорвал с пояса флягу, выдрал зубами пробку, выплюнул ее прямо в лужу и залпом выхлебал жгучую темную жидкость. Это помогло. Ужас не то чтобы отступил, но сделался почти неслышным, не громче мышинного писка в дальнем углу тронного зала.

Его тронного зала...

...беспощадный солнечный свет огненными струями стекал сквозь отверстие в потолке на серовато-черный мрамор пола. Стекал, вычерчивая жаркий ослепительный овал. Вокруг клубился сумрак. Весь громадный зал Королевских Казней тонул в этом сумраке, и колдовские огни, синие и красные, казалось, только сгущали ворочающуюся тьму. Вставшей на дыбы могильной плитой темнел призрак королевского трона. Красноглазые отсветы придавали ему вид почти что живого существа. Во всяком случае, он выглядел более живым, чем все живые, находящиеся в этом зале. Они ведь не знали, не предстоит ли им в самом скором времени сделаться мертвыми. Они уже и выглядели как мертвые – бледные, как привидения, тени. А самым бледным и даже блеклым было мертвенно неподвижное лицо короля под шапкой темных кудрей. Совсем еще молодое лицо – но такое старое от своей неподвижности, словно он умер тысячу лет назад. А ведь король страшного королевства Рон и в самом деле еще очень молод.

Его движения порывисты и угловато-резки. Его слова – как удары бича. Впрочем, он не выглядит безумцем. Напротив – его рассудок кристально ясен и чудовищно беспощаден. Он всегда знает, чего хочет – и идет к своей цели кратчайшим путем. Он не ведаёт, что такое препятствия. Для него не существует трудностей. А уж его подручные маги...

Вот он стоит – такой юный и такой страшный. Страшный король страшного королевства. Не ведающий жалости. Не дающий пощады. Шедд Тайронн.

Его рука взметнулась в резком и повелительном жесте. С его уст сорвалось острое как бритва – слово? повеление? приказ? предсмертный вскрик?

Что-то.

Что-то, что нужно понять. Понять немедленно. Понять, чтобы исполнить. Ослушание – смерть. Опоздание – смерть. Смерть. Или увечье. Иногда легкое. Иногда ужасное. Но всегда позорное. Отрезанное ухо. Отрубленный нос. Выколотый глаз. Королевская монограмма, вырезанная на лбу провинившегося. Провинившегося? Да просто не так посмотревшего или не вовремя оказавшегося рядом.

Рядом.

Его рука вновь взметнулась в резком и повелительном жесте, и придворных качнуло, словно бы сильный ветер с размаху влепил им пощечину тяжелой латной перчаткой.

С его уст сорвалось... что?

Слово? Повеление? Приказ? Что?

Никто не успел разобрать. Никто не успел... никто.

И у бывалых придворных похолодело в животе и ослабели ноги. А молодой король просто буркнул: «Привет!» да пару раз рукой махнул, ничего больше. Однако к страху привыкаешь. И если изо дня в день латной рукавицей по лицу... И если изо дня в день в руках беспощадно жестокого юноши пляшет древний королевский кинжал... И если изо дня в день лучшие маги-палачи... К страху привыкаешь. Фамильная гордость тает в каждодневном страхе, словно кусок сахара в горячей воде. А та, которая не тает... той маги занимаются. Отдельно. Долго. По лично разработанной Его Величеством программе. Потому как не должны придворные своего короля оскорблять. А оскорблением считается все, что кажется таковым Его Величеству. Да пытались Его убивать. Пытались. Страшно-то как умирали, бедняги... Такого и в страшном сне не приснится...

Впрочем, теперь снится. Король никому не позволил пропустить зрелище казни. Поэтому в королевстве Рон так много храбрых воинов. Отчаянных, безрассудно храбрых, готовых на все... лишь бы убратся подальше от короля. В любую битву, куда угодно – но подальше. Хоть на войну, хоть к Богам, хоть под землю, хоть к людоедам в котел. А что такое война и все ее милые, уютные ужасы по сравнению с тем, что каждый день творится во дворце! Королевство Рон ведет войну с размахом. На войну хотят все. Все королевство идет – да не идет, бежит на войну. Прочь. Прочь от короля!

– Сейчас приведут пленных. И провинившихся, – сказал король. – На казнь должны смотреть все.

Придворные молча глубоко поклонились.

– Кто расследует дело об исчезновении Главного Сборщика Налогов? – спросил король.

Глава Министерства Безопасности упал на колени и что-то забормotal.

– У вас еще день для окончательного ответа, – оборвал его король. – Уши я вам уже отрезал. На очереди нос.

Глава Министерства Безопасности лег на пол и задом уполз в темноту.

– Так, что там у нас еще? – с наслаждением пробормotal король. Качнулся. Замер. Дернулся, как марионетка. Его глаза стали пустыми и отсутствующими.

– До завтра! – отрывисто бросил он придворным и, круто развернувшись, проследовал прочь.

Лишь когда за королем закрылась дверь, придворные позволили себе долгий вздох облегчения. Такое уже случалось неоднократно. Король мог посреди самой гневной речи вдруг бросить все и уйти. Это означало, что казнь действительно откладывается до завтра. Все откладывается до завтра. Или до послезавтра. Как Его Королевскому Величеству будет угодно. Как повезет.

А тем временем король, которого проводили таким слаженным вздохом облегчения, едва закрыв дверь, бегом бросился в свои внутренние покои. Он должен был так поступить. Не мог поступить иначе. Как не мог не казнить, не увечить, не пытать... слишком сильна была магическая хватка, двигавшая его тело, говорящая его устами.

Кукла на ниточках. Марионетка. Вот кем был страшный король страшного королевства Рон. Ни одного из отданных им приказов он не отдал сам.

Войдя в свои покои, он рухнул на ложе, закрывая лицо руками, кусая дрожащие пальцы, он не плакал, не мог плакать, видят Боги, он бы дорого отдал за одну-единственную слезинку, но плакать не получалось, ничего не получалось...

Вот сейчас он – это он. Какое сладостное, какое недолгое мгновение... рука покинула перчатку. Перчатка сама по себе. Лежит, дышит, мечтает заплакать... ей выпала редкая удача, она может вспомнить, что она – человек. Перчатка...

...как страшно, как гнусно... уже даже не обидно, это прошло, но как же безнадежно казаться королем – только казаться! – а быть не человеком даже, а вещью. Вещью, которую можно надеть, а можно и сбросить, оставить, запихнуть в ящик. Безжалостный грозный тиран! Да разве таким королем хотел он быть? И что осталось от его королевства? Во что оно превратилось? Когда все уйдут на войну – тут будет пустыня. Пустыня – и жалкий, никчемный, окончательно никому не нужный тиран. Король. Кукла. Перчатка. И тогда перчатку выбросят.

Конечно, выбросят. Ведь она уже никому не будет нужна. Быть может, ему позволят умереть. Осыпаться серебристым пеплом. Одно касание могучей и безжалостной воли. Одно заклинание – и...

Хотя скорей всего он останется жить. Его оставят жить. Жить и смотреть в глаза тем, кто вернется обратно. Тем, кто сумеет вернуться. Вернуться с этой страшной, бессмысленной войны. Тем, кто вернется, чтобы плюнуть на выжженное пепелище. На перчатку, которая будет ждать там – потому что нет для нее другого места, кроме ненавистного ящика... ждать плевок – потому что... а чего она еще может ждать?

А началось все с мелочи. Что такое случайная встреча? Сколько их происходит с нами ежедневно, протекает, словно песок сквозь пальцы? Ничего не значащие приветствия, ни к чему не обязывающие слова, шуточные беседы, изящные фразы, необременительные подарки – и, наконец, прощания, такие, словно прощаешься на час, и так, чтоб уже не встретиться никогда, потому что – а зачем встречаться?

Бойтесь случайных встреч. Бойтесь, даже если вы – король. Особенно если вы король – ведь с королями случается всякое, и не все встречи, которые кажутся вам случайными, действительно случайны.

Принц Шедд Тайронн королем не был. Он, конечно, хотел бы им быть, но ведь у отца столько наследников, а он никогда не ходил в любимчиках. Вот не везло, и все тут. Характером не вышел. Улыбка кривовата, мало ли... Потом отец умер. Наследником он не назвал никого. Просто не успел. Яд был слишком сильным. Видать, тот, кто отравил вино, и вовсе не нуждался в королевской власти в Роне. Наследников было много. А трон был один. У юного принца не было никаких шансов. У других претендентов были хоть какие-то зацепки. Один был своим человеком среди знати, другой был популярен среди чиновников, третьего

любила армия, четвертого – вдовствующая королева, пятого – еще кто-то, шестого не любил никто, но он был очень хитрый, а принц...

Принц извлекал из своего положения те выгоды, которые мог из него извлечь. Ни одному из главных претендентов не хватало сил на последний решающий шаг, но каждый надеялся, что именно ему повезет его сделать. Вознестись над всеми. Не силой – так хитростью. Не хитростью – так связями. Не связями – так родством. Деньгами, идеями, войной, натурой, подкупом, грабежом, убийством – словом, любой ценой, но сесть на трон, возложить на голову корону. И не важно, сколькими чужими головами для этого придется пожертвовать. Когда речь идет о короне на своей голове, чужих, как правило, не считают вовсе. Но для того чтоб было чем жертвовать, головы нужно вначале купить. Союзники, готовые умереть за грядущего монарха, дорого стоят. И ведь обычные наемники здесь не годятся. Этих тоже приходится покупать, и тоже дорого, но речь не о цене, – король, которого окружают одни только наемники, всего лишь половинка короля, всего лишь узурпатор. Никто из соседних монархов не отнесется к нему серьезно, если в его свите нет хотя бы одного захудалого герцога. А герцоги стоят гораздо дороже наемников – тот, кто хоть раз покупал их, знает, что даже бывшие в употреблении герцоги идут по совершенно сумасшедшим ценам. Еще дороже стоят принцы крови... Зато в глазах какого-нибудь соседнего короля один-разъединственный принц крови весит не меньше хорошо оснащенной армии.

Принц Шедд Тайронн был тем самым принцем крови. Стать королем он не мог, поэтому безо всякого зазрения чего бы то ни было извлекал из создавшегося положения все, что из него извлекалось. Иными словами – обещал поддержку и брал деньги. У тех, у этих, у третьих, у прочих... у всех, кто давал. Раз дают, надо брать – потому что если не возьмешь, обидятся и запишут во враги. Нет. Не брать опасно. Враги долго не живут. Поэтому брать приходится все. Даже самое ненужное. Например, вот эту красивую девушку. Хотя кто сказал, что красивая девушка не нужна? Одно дело иметь в любовницах богатую, родовитую красавицу, которая и сейчас уже на тебя покрикивает, а замуж собирается так и вовсе за того, кто на тебя свысока поглядывает... и совсем другое, когда тебе ну совсем такую же – даже еще красивей! – девушку дарят. Как наложницу. Как рабыню. Как вещь. И она твоя. Совсем твоя и больше ничья. И что бы ты ей ни приказал, чего бы ни потребовал – отказу не будет.

Какое-то время принца всерьез интересовало, умеет ли девушка произносить хоть что-нибудь, кроме: «Да, господин!».

Лучше бы он тогда подумал о том, что человека, сделавшего ему этот странный подарок, он и вовсе не знает. Случайно встретились.

Бойтесь случайных встреч. Бойтесь, даже если вы король. Особенно если вы король, ведь с королями случается всякое, – и не все встречи, что кажутся случайными, и в самом деле случайны. А пуще того бойтесь случайных подарков. Случайные люди любят делать случайные подарки. Бойтесь таких подарков, – кто знает, в каком букете цветов таится стальной капкан, в каком кувшине вина ждет своего часа порция яда? И если вам случайно подарили драгоценный браслет, приглядитесь повнимательнее – не змея ли обвивает вашу руку?

Девушку звали Джели, и первая же ночь с ней перевернула мир. Принц и поверить не мог, что бывает так хорошо. Так невероятно хорошо. В тот же день он послал своей любовнице кактус и навсегда забыл ее имя. Прочие придворные красавицы, несколько оживившиеся при вести об этом разрыве, вскоре обнаружили, что принц смотрит сквозь них, да и вообще сквозь всех женщин мироздания – и в самом деле, к чему они были ему – тому, у кого была его любимая рабыня, самая совершенная, самая желанная женщина из тех, что ходили по земле.

Через неделю он понял, что умрет, если потеряет ее.

Тот день... ему навсегда запомнился тот день. Да разве такое забудешь? Разве возможно забыть ТАКОЕ? В тот день к нему пришел Тхион Ликайги, моложавый любовник

вдовствующей королевы, болван, каких мало. Он был пьян. Громко и грубо выражаясь, он шатался по комнатам, орал, что обязательно будет королем, вот прямо завтра и будет, почему это он, видите ли, не король, ведь спит-то с королевой? А ты с кем спишь, дорогой союзничек? Да ладно тебе, нашел перед кем скромничать, да покажи, да дай попробовать. Да не переживай ты гак, я ж с королевой сплю, мне все можно. Да ладно тебе, ну шучу я, шучу. Ну хоть в шелку-то посмотреть можно? А то все слухи да слухи. Толком никто ничего не знает. Ты бы хоть привез ее разок во дворец, а то ведь умирают все от любопытства, того и гляди – похитят. Просто чтоб посмотреть.

Принц едва выпихал вон обнаглевшего претендента на престол. Напоследок тот еще вздумал орать здравницы самому себе и очень обиделся, что принц его не поддержал. Впрочем, денег все равно дал.

Отделавшись от непрошенного гостя, принц поскорей поспешил к Джели – отдохнуть и успокоиться. Ну заодно и удовольствие получить, почему нет? Для того, собственно, и создают Боги прекрасных рабынь...

Вошел. Увидел... и вздрогнул. Она... и словно *не* она.

Тихий, кроткий, покорный взгляд... был!

Теперь в этом взоре бесновалось пламя.

– Этот – не будет королем! – не сказала – приказала Джели.

– Не будет, – перепуганно согласился принц.

По правде говоря, особой храбростью он не отличался и, решив, что, должно быть, его прекрасная рабыня сошла с ума, просто не знал, что предпринять. С ним никогда еще ничего такого не случалось, и он пребывал в абсолютной растерянности.

– Королем будешь ты, – снова приказ, жесткий, не терпящий возражений.

– Как скажешь, любовь моя, – пробормотал принц, пытаясь справиться с потрясением. – Правда, у меня нет для этого средств и возможностей...

– У тебя будут средства и возможности, – пообещала Джели. – А теперь иди ко мне. Пришло время для нас разделить ложе.

Эту ночь Шедд Тайронн тоже никогда не забудет. Пожалуй, впервые в жизни, и уж в любом случае – в постели, от него действительно не зависело ничего. Совсем ничего. Джели приказывала – и он повиновался. Не мог не повиноваться. Хотел – и не мог. Своей воли хватало, чтоб кое-как дышать.

Ближе к утру он заметил, что Джели приказывает, не разжимая губ, ее голос просто звучит в голове. Вот тогда он и понял впервые что к чему. Понял – и заорал... точнее, хотел заорать, потому что крик застрял в горле. Бывшая рабыня посмотрела в глаза своему бывшему господину и улыбнулась мягкой, обворожительной улыбкой.

– Не печалься, будущий король, – сказала она. – Ты уже постиг, как приятно иметь рабыню. Настало время для нового опыта. Теперь ты узнаешь, как неприятно самому быть рабом. Впрочем, быть может, тебе и понравится. В конце концов, ты будешь еще и королем. А быть и рабом, и королем – вероятно, захватывающее переживание.

Джели улыбалась – и принц дрожал, глядя ей в глаза и не смея опустить взгляд. Страшнее этой улыбки он в жизни ничего не видел. Больше не было голоса в голове. Вообще ничего не было. Просто тело принца само дергалось, исполняя желания волшебницы.

Наконец ей наскучили постельные забавы, она разжала колдовскую хватку, и принц без сил рухнул на ложе.

– Ты будешь королем, Шедд Тайронн, – сказала она, уходя в стену. – Не пытайся бежать – найду. Не пытайся умереть – не поможет. Будешь править мертвый, только и всего.

Вспомнив об этой ночи, король схватил кувшин вина и сделал несколько больших торопливых глотков. Это ОНА заставила его совершить все то, что он совершил. Она. Джели. Тайный агент Ордена Черных Башен. Командир Осназа. С ее помощью нетрудно было захва-

тить власть. Хотя... вздор, ничего он не захватывал. Маги Ордена Черных Башен, подвластные Джели маги армейского Осназа, взяли его из той дыры, где он находился, и посадили на трон. А все, кому это не понравилось, превратились в аккуратные кучки пепла. Замечательное удобрение для цветов. Его Величество лично соорудил целую клумбу. Теперь это красивая королевская традиция. Когда от казненного в конце концов остается серебристая кучка пепла, Его Величество сажает еще один цветок, дабы оплакать и помнить. Джели, сволочь!

Король отхлебнул еще, еще... еще один глоток. Давясь вином и неожиданной свободой. Неожиданным вином и неожиданной свободой. Давно он уже не оставался таким неподконтрольным, таким не припиленным, черт знает где ее носит, и это хорошо, пусть себе знает, а мне не надо, мне и так хорошо, я и сам посижу, меня не трогают – и мне хорошо... хорошо, спокойно, убивать и мучить никого не надо, и пусть она подольше будет там, где она есть.

Подольше. Король отхлебнул еще вина. Джели. дура, кувшин забыла. Хотя что-то, хоть чуть-чуть, на два-три вдоха, на глоток человеком себя почувствовать... а больше ведь все равно не дадут. Сейчас ведь припрется гадина, тварь ненасытная, любви потребует. Его Величество опрокидывал в себя глоток за глотком, и по груди его текло темное, густое, как кровь, вино.

Дверь отворили пинком. Дверь отскочила в сторону с ужасающим визгом.

«Она сбежала бы, если б могла, – подумал Его Величество. – Но она не может. Ее петли держат. А меня...»

Шедд Тайронн разжал пальцы, и кувшин рухнул на пол. В дверях стояла Она. Джели. Кувшин разбился, и багровые брызги плеснули во все стороны. Она не обратила никакого внимания на разбившийся кувшин. Казалось, она и вовсе не заметила того, что упало на пол, да еще и с таким шумом. Она неотрывно смотрела в глаза Шедда Тайрокна. В глаза – и куда-то дальше. Словно пыталась проглядеть его насквозь.

– Ты где? – спросила она.

«Какой у нее странный голос», – подумал король. – «Ну да. Она ведь так редко говорит со мной вслух. Отвык, наверное».

– Ты где?! – взвизгнула магичка и, словно только что увидев его и спохватившись, заорала: – Что ты сделал?!

Взгляд ее скользнул вниз, к разбившемуся кувшину, в глазах мелькнуло понимание.

– Свинья, – с презрением заявила она. – Сволочь пьяная. Животное. Кто тебе позволил напиваться?!

Она повела рукой, и осколки кувшина исчезли вместе с пролитым вином.

– Мразь, – продолжила она. – Еще раз посмеешь напиться, и я проделаю дыру в твоём желудке, гак чтобы все, что ты выпьешь, вытекало наружу. А теперь нам пора разделить ложе. По твоей милости я вынуждена разделить его с пьяной свиньей.

– Да я – ничего. – Губы короля дернулись в пьяной ухмылке. – Я могу и просто рядышком постоять.

– Молчать! – завизжала магичка.

Взмахнув рукой, она произнесла трескучую фразу. Обычно после этой фразы тело короля скручивала тяжкая мучительная судорога. Он уже дернулся, ожидая привычного ужаса, но фраза почему-то не сработала, лишь слегка отдалась тупой болью в затылке.

«Да потому что я пьян! – вдруг мелькнуло в голове короля. – Впервые за все это проклятое время я пьян. И вот результат. Она может меня убить, превратить в лягушку, но управлять и бить изнутри – не может. Не может!»

«Молчи! – тут же одернул он сам себя. – Молчи! Это слишком опасное знание. Даже в мыслях молчи об этом. Молчи!»

Тяжкая затрещина прервала этот внутренний монолог и бросила короля на ложе. Еще несколько минут великая магичка яростно сдирала с короля его одежду. Окончательно запу-

тавшись, Джели взревела от ярости и мигом ее испепелила. Вместе с королевским ложем, Пьяный король ощутил сомнительное удовольствие от лежания в горячем пепле. Вскочил мигом.

– Скотина! – бросила магичка и, круто развернувшись, вышла. Король вздохнул с облегчением, король торжествовал победу – пусть маленькую, но победу... а рядом со всеми этими чувствами уже стояла неизбывная тоска по ее телу, любовь к ней, такой нежной и покорной, такой, какой она была когда-то, когда-то невероятно давно, и уже вплотную подступали угрызения совести, ведь он посмел обидеть ее, свою ненаглядную госпожу. О да – король Шедд Тайронн очень хорошо постиг, что значит быть рабом...

Дни неслись, словно сухие листья на сильном ветру. Дни плелись, словно престарелые клячи на бойню. Дни плясали, словно повешенные в петле. Дни грохотали конницей и звенели мечами. Дни сменялись ночами. А ночи... ночи были похожи на дни. Они храпели, словно пьяные палачи после тяжелой работы. Они тряслись от ужаса, словно девственница перед сутенером. Ночи пахли пыткой и кровью. Их было много, этих дней и ночей. Очень много. Таких длинных, таких коротких – и таких страшных. Но для несчастной марионетки, играющей страшного короля, для того, кто иногда уже забывал свое имя, для Его Величества Короля Шедда Тайронна это был один день и одна ночь.

Один день. Одна ночь. И одно расплзающееся под пальцами, как гниющая плоть, распадающееся королевство. Оказывается, такое королевство тоже может существовать, думал Шедд Тайронн, размашисто шагая по коридорам своего замка, он-то, бедняга, когда-то считал, что не может, а оно может. Существует ведь? Значит, может существовать. Когда – король и наемники. Король и наемники, и никого рядом. Когда герцоги и графы – всего лишь бесплатное приложение к королевской мантии. Когда их можно казнить одного за другим, и это ничего не нарушит в сложнейшей системе управления страной. Не нарушит – потому что страной теперь правит нечто совсем другое. Когда неприятие соседями просто не может состояться, а если даже таковое и случается... попробуй долго не признавать того, кто идет на тебя войной. Попробуй долго не признавать топор, отсекающий тебе голову. Лучше и не пробуй. Что, уже? Ну и как оно без головы?

Может существовать такое государство. Еще как может. Особенно когда твои наемники – маги. Когда тебе не нужен никто из твоих подданных, они всего лишь сучья для громадного костра. Когда с твоими соседями у тебя мир лишь потому, что вначале нужно покончить с более опасным врагом. И зная об этом, они признают тебя, потому что никто не посмеет не признать собственную смерть, пусть отсроченную, но оттого вдвойне ужасающую. Когда, наконец, ты сам – всего лишь жалкая кукла в чужих руках, кукла, совершающая зверства и подлости, кукла, мечтающая когда-нибудь тихонько умереть и просто рассыпаться в труху. Впрочем, тебе уже сказали, что даже труха, оставшаяся от тебя, будет восседать на троне. Восседать, чтобы вершить зверства и подлости.

А самое страшное – что он продолжает любить Джели. Любить, несмотря ни на что. Когда она не превращает его в бездумно двигающуюся и говорящую слова куклу, он любит смотреть на нее, на ее мягкие красивые движения. Впрочем, это случается так редко... так редко ему удастся хоть немного побыть собой. Быть собой, чтобы любить ее. Любить. Скоро он забудет, как это делается, и тогда... кто знает, что будет тогда? Наверное, от него останется одна кукла. Кукла, совершающая безумства и подлости.

Он и сам не помнил, когда у него впервые появилась мысль – бежать. Сбежать? От кого – от нее? От Джели? Но ведь он... он любит ее.

Разве от любимых бегут? Разве...

Сбежать. От кого – от нее? От Джели? Сбежишь, как же! От нее еще никто не сбежал. От таких, как ОНА, не сбегают.

Он и сам не помнил, когда у него впервые появилась мысль – бежать. И как только ее, эту мысль, не почуяла, не уловила ОНА? Впрочем, на ронский Осназ в то время свалилось слишком много работы. Много-много работы для бедненькой Джели. А значит, она не могла его мучить и не заставляла мучить других.

Он лежал, глядя в потолок, и позволял мыслям всплывать. Всплывать из той непроглядной глубины, куда их загнала безжалостная магия Джели. И среди прочих была и эта мысль. Маленькая. Осторожная. Она пряталась среди других и постоянно оглядывалась.

– Но почему я должен сбежать от любимой? – спросил он ее.

– Чтоб не стать куклой. Чтоб продолжать любить Джели. Ты должен сбежать от нее, чтоб сохранить в себе способность любви к ней, – сказала мысль – и он не смог ей возразить, совсем не смог. Впрочем, он почти разучился это делать.

Да и кому возражать, если рядом нет равных? Одним приказывал он, другие приказывали ему. Ни друзей, ни врагов. Только рабы и господа. Только до смерти перепуганные подданные и проклятые маги. Никого больше. Никого.

Одиночество давило страшно. Шедд Тайронн теперь с нежностью вспоминал своих, ныне покойных, врагов. А тут еще и Джели стало совсем не до него. Она перестала его мучить – и это оказалось больней, чем сама боль. Вокруг не осталось ничего. Совсем ничего. Короля как бы окутала призрачная мантия отсутствия... но даже она истончалась, грозя вот-вот исчезнуть. И только бледные, дрожащие тени придворных, торопливо скользя мимо, давали повод надеяться, что мир еще не окончательно исчез.

В тот раз он впервые убил сам. Он даже не разглядел – кого. Просто очередная тень попыталась проскользнуть мимо короля, лютой нежностью рыскавшего по замку, попыталась – и не сумела. Шедд Тайронн нанес удар, почти не думая. Он и не собирался убивать. Просто некий кусочек мироздания вновь ускользал от него. И нужно было его остановить. Любой ценой остановить. А движение было таким привычным. Таким отработанным. Кинжал сам собой возник в пальцах – и податливая плоть приветливо распахнулась навстречу. Когда горячая и страшная кровь, выхлестнув из горла, плеснула ему в лицо, Шедд Тайронн как бы проснулся. Он посмотрел на человека, лежащего у его ног. Он не знал этого человека.

И тогда он вдруг вспомнил, что он не только король. Не только жалкая кукла, принадлежащая Джели. Не только марионетка Ордена Черных Башен. Шедд Тайронн вспомнил, что он мужчина. Что он человек. Тогда он впервые понял, что убежит. Обязательно убежит. Убежит – или умрет, пытаясь это сделать. Такие, как он, просто обязаны убегать. А еще он знал, куда направится. Хорошо знал. Крепко. Для таких, как он, есть только одно место...

Убежать? Но как?

Вновь и вновь он возвращался к этому вопросу. Джели ведь не нужно его видеть, чтобы настигнуть. Достаточно понять, что он сбежал. Побежит прочь цепочка его следов, побежит, поторопится, тронет охранные заклęcia, там и сям разбросанные, натянется незримый поводок, ошейник схватит за горло, рванет обратно к ногам хозяйки, в руках которой вновь появится бич.

Сбежать. Как сбежать?! Как?!!

И тут он вспомнил. Кувшин с вином и перепуганную, ошалевшую, сбитую с толку Джели. Она даже увидела его не сразу. Смотрела – и не видела. Отвыкла смотреть просто глазами? Быть может. Во всяком случае управлять им она тогда не смогла. Даже раздеть его при помощи магии не вышло. И если он будет пьян... тяжело, страшно, самозабвенно пьян... если он только сумеет, если продержится... если...

Однако нужно ведь где-то взять столько выпивки. И взять тайно. И спрятать так, чтоб не нашли. Чтоб подручные маги не донесли Джели о том, что он поделал. Чтоб она не догадалась.

А значит, выпивку нужно красть.

Придя к этой мысли Ронский король зашелся в приступе истерического хохота. Красть в собственном замке! В замке, где ты являешься полновластным хозяином!! Где никто не посмеет тебе ни в чем перечить! Красть у себя самого! У себя!!! Красть...

...а что еще делать?

Досмеявшись, Шедд Тайронн приступил к исполнению своего плана.

Бал. В королевском замке теперь постоянно бал. Те, кому повезло выжить, пьют и танцуют. Веселятся, флиртуют, ссорятся, убивают друг друга на дуэлях и занимаются любовью, даже не потрудившись как следует укрыться от посторонних глаз. Увидят? Кого теперь это волнует? Кого могут волновать какие-то сплетни, когда смерть, увенчанная короной, мечется по замку, когтя то одного, то другого?

Веселись, люби, дерись и пей сегодня, потому что никакого завтра у тебя нет...

Если просто идти на звуки музыки, идти, пользуясь внезапно выпавшим одиночеством, – одни тебя до смерти бояться, другие о тебе временно позабыли, – если просто идти на звуки музыки, идти, превращая тюрьму одиночества в желанный поток свободы, если просто идти туда, где звучит музыка – такая прекрасная еще и оттого, что ни один музыкант не знает, какая именно нота окажется для него последней... если просто идти...

А бал – вот он!

Король неоднократно бывал здесь. Пил, плясал и веселился с дрожащими от ужаса придворными и даже возился в темных углах с юными прелестницами, теряющими сознание от страха и готовыми на все. Да, король Рона частенько бывал здесь. Как марионетка в руках Джели бывал – это она, пользуясь его телом, издевалась над придворными и насиловала девиц. А вот сам Шедд Тайронн здесь не бывал ни разу.

Он шел через зал – и его не замечали. Если Его Чудовищное Величество возжелал остаться незамеченным, то кто посмеет нарушить Его высочайшую волю?! Ему даже не нужно было объявлять о своих хотениях, оставшиеся в живых придворные научились понимать Его желания по глазам, по губам, по движению бровей, по жестам рук и шуму шагов.

Он шел через зал, как пламя, и придворные, словно тени, расступались перед ним.

Так. Магов в зале нет, это уже хорошо. Тех, кто быстро смекнул что к чему и принялся шпионить за королем для Джели и ее подручных, тоже не видно.

Удача?! Быть может. Если для него еще возможна какая-то удача. Если она еще существует для него.

На миг он подумал, что справедливее было бы умереть. Заколоться – вот тут, прямо в зале, заколоться – и лечь под ноги танцующих. Его рука привычно охватила рукоять кинжала... и он тут же понял, что не может сделать этого. Что никогда этого не сделает. Никогда. И не то чтобы он боялся. После всего, что случилось, странно бояться смерти. Но мертвый он не сможет любить Джели. А если он не сможет ее любить, тогда...

Шедд Тайронн не мог сказать, что тогда случится. От этой мысли веяло таким невыразимым ужасом, что он просто не смог ее додумать. Пальцы сами собой разжались, медленно сползая с рукояти кинжала. Король понял, что вообще не может, не смеет умереть, потому что его любовь к Джели должна, обязана быть бессмертной. А значит, и он, ее сосуд, ее хранилище, не имеет права на смерть.

Придворные украдкой облегченно вздохнули, глядя, как разжимаются королевские пальцы, еще мгновение назад ухватившие рукоять с такой силой, словно Его Величество вознамерился удавить собственный кинжал.

Король быстрым взглядом окинул уставленные яствами столы и приметил места, где стояли самые крепкие вина. Он должен быть пьян. Он должен быть омерзительно пьян. Он должен быть сам на себя не похож, когда решится на этот безумный побег. Но он должен.

Потому что если он не посмеет, если оставит все как есть, тогда и в самом деле недолго ждать прихода безумия.

Шедд Тайронн шел к возжеленным бутылкам, и ему казалось, что весь зал раскачивается с каждым его шагом, что тела людей обратились в огромные, уставившиеся на него глаза, что восхитительная музыка превратилась в дурной нестройный рев. В том месте, куда он направился, как бы сама собой образовалась настойчивая пустота. Он шел мимо укромных уголков, из которых слышались звуки поцелуев и шорох одежд, мимо напивающихся до потери сознания и проигрывающих свои состояния вельмож, мимо влюбленных, играющих в самую жестокую и странную игру, о которых он только слышал. Молодые люди ставили на поднос десять кубков с вином. В двух кубках вино было отравленным. Отравленные кубки располагались один напротив другого и были ничем не отличимы от прочих. Потом поднос начинали быстро-быстро вращать. Когда он останавливался, брали наугад два стоящих друг напротив друга кубка и выпивали. Если оставались жить – отправлялись заниматься любовью. Если нет – тела выносили слуги. В последнее время игра эта стала очень модной. Шедд Тайронн увидел много таких подносов.

Наконец рука его коснулась горлышка бутылки, и весь зал, как по команде, отвернулся – потому что королю не хотелось, чтоб на него кто-нибудь смотрел.

Хорошая вещь – королевская мантия. В нее много чего запихать можно. Решительным жестом Шедд Тайронн смел со стола закуску и, сорвав с плеч драгоценную королевскую мантию, бросил ее поверх стола. Бутылки с вином одна за другой покидали свои места, оказываясь подвергнутыми священному таинству заворачивания в мантию. Ну и здоровенный же узел вышел! Шедд Тайронн зубами выдернул пробку из последней бутылки и влил ее в себя всю, после чего взвалил узел на плечи и, покачнувшись, двинулся к выходу.

Подносы вертелись со страшной скоростью. Пьяницы пачками валились под столы. Из темных углов слышались стоны и сосредоточенное пыхтение. А среди игроков началась драка. Никто не хотел замечать короля. Никто не смел его заметить. Они убить друг друга были готовы. Да. Так и есть. Один готов. Другой, кажется, тоже. Или ранен?

Шедд Тайронн захлопнул за собой неприметную дверь и потайным ходом проследовал в свой кабинет. Собственно, а зачем? Это уже не его кабинет. Живой он в него не вернется. А напиться... напиться и здесь можно.

Шедд Тайронн сел на пол, развязал второпях затянутый узел и залпом выглотал еще три бутылки.

Вот. Теперь хорошо. Еще одну – и можно идти.

Можно выглотать подряд три бутылки вина? Что? Нельзя?! А вот и можно! В таком состоянии можно. И даже нужно. И четвертую... экая кислятина попалась! Что ж они на королевский-то стол всякую дрянь ставят?

Допил. Все. Теперь идти, куда ноги несут. Темнота потайного хода не пугала Шедда Тайронна. Он решительно шагнул вперед и тут же во что-то врезался. Убедившись, что «фонарь» под глазом не собирается освещать дорогу, король продолжил путь, вытянув руку перед собой и ощупывая густую тьму, в которую несли его ноги; другой рукой он старательно придерживал заветный узел, в котором тихо позвякивала его грядущая свобода.

Шаг. Еще шаг. Пьяный человек может идти очень быстро. Если не упадет. Шедд Тайронн не собирался падать. Вся его предыдущая жизнь была одним долгим падением. Пришло время вставать.

Шедд Тайронн не заметил, когда потайной ход сменился подземным, не заметил он, и когда закончился подземный ход. Просто вдруг он обнаружил себя шагающим по какому-то лугу. Восхитительному лугу, густо поросшему сочной высокой травой. Над головой было огромное звездное небо и луна такая, что ее хотелось подержать на ладони. А капли росы на траве блестели, словно капли росы. Вот уж ни на какие бриллианты или самоцветы они

и вовсе не похожи, этого дерьма Шедд Тайронн в своей жизни навиделся дальше некуда, поэтому он может авторитетно заявить всем желающим: вовсе даже нет ничего похожего! Капли росы гораздо красивей!

Шедд Тайронн не узнавал вокруг себя ничего. Он шел, как во сне. Происходящее вокруг него было сном. Ну конечно, сном. Потому что на самом деле так красиво ведь не бывает. Разве такая вещь, как ночное небо, может существовать въяве? А трава в росе? А луна? Нет уж, таких вещей на самом деле не бывает. А те, которые бывают – они совсем другие. Он шел, как во сне. Или... нет, неправда! Это раньше он спал – а теперь проснулся. И все это, все это вокруг него – настоящее. Настоящее, как и он сам. Живое, теплое, мокрое, мокрое – как слезы из глаз, все это: оно – вот! Просто понять это очень сложно. Сложно понять все это тому, кто всю жизнь прожил во сне. Жил во сне, ел сны, пил сны, спал на снах, заворачивался в сны, казнил тени, беседовал с привидениями и подчинялся призракам. И вот миражи сгинули, реальный мир распахнулся, а он едва способен поверить, что сам не растает, как дым при очередном шаге. Трудно несчастному страннику из мира теней научиться оставлять настоящие следы на живой земле. Трудно – но очень нужно.

– А ну стой! Чего тащишь?! Давай сюда! – зычный и грубый голос оборвал раздумья короля, словно фальшивую бороду.

Голос принадлежал здоровенному небритому детине, окруженному группой таких же красавчиков.

«Разбойники!» – восхитился Шедд Тайронн.

В тех мерзких снах, что ему снились в последнее время, никаких разбойников не было. Никто не посмел бы ограбить страшного ронского монарха. Любой разбойник умер бы от ужаса, приди ему в голову подобная идея. А теперь...

– А ну-ка, ну-ка! Что у тебя там в узелке, приятель?! – горланили разбойники. – Ишь, какой пышный узел! А какой тяжелый! Трудновато, небось, тащить?! Надорвешься еще! Поделиться бы надо! А он и поделится, он добрый малый, верно я говорю?!

«Они и в самом деле грабить меня собрались!» – с восторгом подумал Шедд Тайронн. – «Грабить. Вот. А значит, я уже и не король вовсе».

Сердце его исполнилось блаженством неизъяснимой свободы. Однако отдавать разбойникам вино он не собирался. Трезвому ему не выжить. Джели мигом найдет его. О том, что случится тогда, он старался, не думать. Нельзя отдавать вино. Нельзя. Он с радостью отдал бы разбойникам все свои деньги, если бы они у него были. Ну сами подумайте – зачем королю деньги? К чему ему золото, оттягивающее пояс или карман, если и без того все государство – его, и стоит ему только приказать... короли не носят с собой карманных денег... и Шедд Тайронн впервые пожалел об этом. Впрочем, ведь он уже и не король. Просто странник. Путник. Путешественник. Без коня. Без денег. Без... без всего в общем-то.

Нищий? Пожалуй. Нищий с огромным мешком вина. Вина, столь необходимого, чтоб выжить. Чтoб остаться нищим – и никогда, никогда больше...

Шедд Тайронн аккуратно опустил узел на землю и быстро развязал его. Еще миг – и его руки крепко ухватили горлышки двух бутылей. В ход пошли зубы, и пробки одна за другой упали ему под ноги. Перебрасываясь шутками, разбойники приближались к нему со всех сторон. Одну за другой бывший король осушил обе бутылки. Блаженное опьянение вновь положило на голову свою фиолетовую ладонь. Он не собирается отдавать вино – значит, ему придется за него сражаться. А значит, эти разбойники – враги. Шедд Тайронн всхлипнул от умиления и счастья. Его опять окружали враги. Живые враги, а не серебристые кучки пепла. Этим никогда не взойти цветами на той страшной, оставшейся в омерзительном сне клумбе – потому что нет у него больше никакой клумбы... а еще он не собирается их убивать. Не собирается. Живые враги – это так здорово. Вот пусть живыми и остаются. А значит, нужно

просить помощи у какого-нибудь Бога. Потому что это он не собирается их убивать, а вот они его – собираются.

В руках разбойников посверкивали ножи, темнели дубинки и мерно покачивались кистени. У Шедда Тайронна, бывшего ронского короля, не было ни малейшего сомнения, у какого именно Бога ему следует просить помощи. К одному из них он находился настолько близко, что, казалось, мог прикоснуться к его жаркому, сводящему с ума дыханию. И не было для Шедда Тайронна в тот момент божества ближе, чем Бог Вина.

Шедд Тайронн уже открыл рот, дабы произнести привычную дворцовую молитву, ту, которой его научили еще в детстве, на уроках Почитания Богов, тогда, когда он и вина-то еще не пробовал, но вместо нее вдруг сама собой стала произноситься ее грубая народная версия, почти прибаутка.

«Погружая свою голову в твои воды...» – хотел сказать Шедд Тайронн, а вышло:

– Уронив свою башку в твою болтушку...

«Не для опьянения, но для веселия...» – хотел продолжить он.

– Не для надратия, но для поддатия! – выскочило у него.

Он остановился и попробовал снова. Вышло еще хуже.

– Не-н... н-для... ля... наздратия... н-но... н-для подратия! – выпалили его губы. – Не-н-на... ля... задратия, но-н да-ль-ля... удратия в...

Заслышав столь диковинные речи, разбойники даже остановились.

– Колдун? – испуганно спросил один.

– Пьяница! – решительно отрубил атаман, потянув носом воздух. И разбойники придвинулись, смыкая круг.

Бог Вина уже собирался возлечь на ложе с тремя сотнями своих возлюбленных фей, когда внезапная молитва достигла его божественного слуха. Коротко выругавшись, Бог вскочил и быстрым шагом направился в Приемную. Дело есть дело. Бога, как и врача, зовут кто попало, когда попало и куда попало. И так же как врач, Бог не смеет, не имеет права отказывать. Потому что он – Бог. Работа у него такая. А искренность этой последней молитвы не вызвала сомнений – равно как и усердие молящегося, который почти отравил себя вином. Еще немного – и...

Бог только головой покачал, хмурясь... а потом он нахмурился еще больше, потому что призвал на помощь божественное всеведение – и теперь он все знал об этом человеке.

Бог Вина задумчиво хмыкнул. Знание не давало ответа на вопрос, как именно он должен поступить. Там, внизу, на бедолагу со всех сторон надвигались разбойники. Нужно было спешить. Вздохнув, он воззвал к Великой Богине Времени.

– Ну чего тебе? – недовольно отозвалась она.

– Прошу пятиминутную задержку для человека по имени Шедд Тайронн и окружающих его врагов, – почтительно проговорил Бог Вина.

– Две минуты, – недовольно отрезала Богиня Времени.

– Но я же ничего не успею, – попытался возразить Бог Вина. – Хотя бы четыре!

– Две с половиной, – не терпящим возражений тоном проговорила вредная Богиня и пропала.

– И только попробуй потратить их попусту, – пригрозило ее отсутствие.

Бог Вина вздохнул и коротким толчком Власти остановил сцену. Замер бормочущий священные глупости Шедд Тайронн. Замер атаман со звездным бликом на острие ножа. Замер один из его подручных с занесенной для следующего шага ногой. Замер под странным углом откатнувшийся в сторону кистень. Даже капля вина, упавшая с подбородка Шедда Тайронна, замерла, так и не коснувшись земли, и теперь горела в лунном свете не хуже иной звезды.

Бог Вина торопливо схватил с треножника Чашу Истины, дохнул в нее, и Чаша наполнилась вином. Нужно было спешить.

«Эта скряга вечно трясется над своим Временем!» – подумал Бог Вина и, неотрывно глядя в Чашу, выпил ее до дна.

Озарение пришло почти сразу. Теперь он знал ответ. Знал – раньше на целую минуту. А это значит, что минута останется с ним и в следующий раз у него будет больше времени на обдумывание. Довольно улыбаясь, Бог Вина вернул к жизни замершую сцену.

Капля вина упала в траву. Кистень качнулся обратно. Под ногой разбойника хрустнул сухой сучок. Пояс атамана скрылся в тени его тела. А все разбойники еще на шаг придвинулись к Шедду Тайронну. Бывший король растерянно оглянулся по сторонам – и в тот же миг Бог Вина вошел в его бесстрашно-пьяное тело. Аккуратно так вошел. Незаметно. Шедд Тайронн крутил в руках пустые бутылки, прикидывая, как бы с их помощью защититься от ножей, кистеней и дубин. Он явно не знал, как это сделать. Зато Бог Вина знал это преотлично – и никто во всем свете не знал об этом лучше его.

Еще миг – и руки Шедда Тайронна ударили бутылки друг о друга. То, что осталось у него в руках, в определенных кругах называлось «улыбкой демона» – любимое оружие опытных кабацких завсегдатаев, которым при известной ловкости и меч поймать можно, а уж нож – то и вовсе запросто. Ну и скажите мне теперь – кто лучше Бога Вина управится с этим его исконным оружием? А никто. Даже Бог Войны ему в этом уступает. И все это не какая-то не заслуживающая внимания легенда, а самая настоящая честная правда. У кого хошь спросите, это все знают. Если руки Бога Вина оскалились «улыбками демона», остальным лучше просто пойти спать, дешевле выйдет.

Бог Вина повел плечами Шедда Тайронна, примериваясь к незнакомому телу, и хищная ухмылка завязанного драчуна растянула непривычные к таким простонародным гримасам губы. Шедд Тайронн испуганно дернулся, ощутив Присутствие. Тому, кем управляли, словно марионеткой, нетрудно ощутить прикосновение незримых пальцев – а ведь Бог Вина не прикоснулся, он погрузился в Шедда Тайронна целиком.

– Спокойно, парень, – пробормотал Бог Вина у него в голове. – Я тот, к кому ты воззвал. Я пришел, чтоб помочь. Будет лучше, если ты позволишь мне это сделать. Просто расслабься и не мешай. Обещаю, никто из них не будет убит.

Тело Шедда Тайронна напряглось в невыразимом ужасе, а потом расслабилось.

– Бедняга, – пробормотал Бог. – Я обязательно выпью за твое здоровье, слышишь?!

– Слышу! – стуча зубами, ответил Шедд Тайронн.

Разбойники бросились вперед. То есть с точки зрения Шедда Тайронна – бросились. С точки зрения Бога Вина, справиться с этой грудой лениво шевелящихся увальней мог бы даже ребенок. Разумеется, если родители этого ребенка – Боги. Бог Вина проделал несколько несложных упражнений, выясняя, какие именно движения может совершать это тело, а от каких лучше сразу отказаться, чтоб не искалечить доверившегося ему человека. Да... негусто, конечно, но чтобы справиться с этими обормотами, хватило бы и половины. Ха!

Атаман добрался первым. Его не иначе как за длину ног атаманом выбрали. Или это и не атаман вовсе? Впрочем, какая разница? Его рука нацелила нож в живот Шедда Тайронна. Стремительный, неотразимый удар! Однако в теле бывшего короля теперь гостило существо, способное справиться еще и не с такими ударами. Оскалившееся осколками стекла горлышко бутылки, звякнув, наделось на клинок. Легкий доворот кистью – и разбойник, взыв, ухватился за искалеченную лапу, в ней что-то хрустнуло самым неприятным образом. Его нож остался торчать в «улыбке демона», словно некий чудовищный язык, высунутый этим самым демоном. А какие еще языки могут быть у демонов? Впрочем, проторчал он там недолго. Еще одним движением кисти Бог Вина вернул его стонающему разбойнику. В целости и сохранности вернул. Да вот не рассчитал немного. Рукоятью в глаз угодил. Разбойник

взвыл еще громче и грянулся на обширную задницу. Бог Вина быстро шагнул вперед, нацеливая другую «улыбку» в лицо хмурому типу с кистенем, и услышал, как за его спиной с треском столкнулись две дубины. Кто-то коротко взвыл. Кто-то выругался. Тип с кистенем отшатнулся – и тут же получил пяткой в колено.

Что, больно? Зато бесплатно, дорогой! С вас бы, мерзавцев, еще и деньги брать – закалялись бы разбойничать!

Быстро развернувшись, Бог Вина прыгнул назад, мимоходом наподдав кому-то локтем под дых и отмахом «улыбки» разрезав чей-то брючный ремень. Разбойник заорал, подхватывая штаны, а Бог Вина уже втыкал в задницы двух так и не успевших расцепиться после серьезного удара друг о друга могучих дубиноносцев свои верные стеклянные «улыбки». Эти завопили дуэтом. Бог Вина не стал слушать их пение. С силой толкнув этих двоих на оставшихся еще не покалеченными разбойников, он перескочил через образовавшуюся кучу малу и, уронив «улыбки демона», ухватил двух первых попавшихся разбойников за волосы. Ухватил и рывком повалил на землю. А потом каждому наступил на нос.

Что? Неужели так больно?! Seriously?! Ну так скажите спасибо, что на нос, а не на что другое, а то мы, Боги, – народ простой!

Если сказать, что, сойдя с разбойничьих носов, Бог Вина умудрился поймать у самой земли все еще падавшие «улыбки», станет ясно, с какой скоростью он действовал. То есть с поистине божественной!

Перед глазами Шедда Тайронна мелькали руки, ноги, лица, тела... он не успевал понять, где его руки, а где разбойничьи, он вообще ничего не успевал понять. Разбойники тоже не успевали. Прямо вот только что они окружили странного чудака с мешком добра на спине. Их было много, а он, чудака-то этот, один. Словом – все, как по справедливости и положено. А вот теперь уже он их окружил. И как это вышло? И когда успел? Но его теперь больше, чем их! Боги видят – больше! И они ничего не успевают ему сделать. А он им – успевает. И еще как. Уй! Вот опять! По носу-то зачем? Больно же! Вот ведь гад какой. Нравится ему слабых обижать! Самый настоящий разбойник. Душегуб проклятый!

Разбойники не были воинами. Они были всего лишь головорезами. Ни доблести, ни стойкости в них не было. И наткнувшись на такого серьезного противника, да еще и неприятного к тому же, они не устояли. Первым наутек бросился тот, который посчитал Шедда Тайронна колдуном.

– Колдун он, колдун! – вопил разбойник, бухая в землю тяжеленными сапогами. – А я говорил вам! Говорил!

Остальные бросились следом.

«Улыбки демона» упали на землю. И то ли из-за того, что они побывали не только в руках Шедда Тайронна, но и в руках Бога, то ли из-за того, что они явились оружием победы, но выглядели они грозно и красиво. Шедд Тайронн решил, что оставит их здесь. Не посмеет взять с собой. Раз Бог решил, что их нужно бросить, – значит пусть лежат.

– Ну вот и все, – усмехнулся Бог Вина устами Шедда Тайронна, – твоя молитва услышана и исполнена.

– Спасибо, – выдохнул Шедд Тайронн теми же губами.

Отпечатки слов Бога все еще пребывали на них, странно щекоча плоть.

– Удачи тебе! – попрощался Бог, выходя из тела смертного.

– И тебе! – горячо откликнулся Шедд Тайронн, доставая еще одну бутылку.

Покачав головой, Бог Вина очистил почки и печень своего подопечного, а потом произнес благо-пожелание:

– Долгого вина тебе! До самой свободы! И несокрушимого здоровья, чтоб до нее дойти!

После чего Бог вернулся к своим делам, а Шедд Тайронн продолжил путь. Он не услышал благо-пожелания Бога – ведь оно было произнесено не ему, а для него. Он просто шел,

устремляясь к границам своего королевства, шел, стараясь оставаться как можно более пьяным, шел, со страхом замечая, как все меньше и меньше бутылей вина остается в его запывлившейся, заляпанной грязью мантии. Дни и ночи сменялись, не задевая его. Ноги переставлялись сами собой. Одежда была перемазана до такой степени, что уже никто не признал бы в ней дворцового платья. Проносившиеся мимо кавалерийские разъезды ни разу не задержались, чтоб посмотреть, кто это там ковыляет вдоль обочины. К чему им нищий бродяга? Их ведь короля искать посылали.

Вынув из узла последнюю бутыль, Шедд Тайронн забросил мантию в канаву. Теперь только кинжал связывал его с прежней жизнью, но кинжал рано было выбрасывать, кинжал мог пригодиться – его, наверное, можно обменять на вино.

Прошел день, еще один... и только на третий день Шедд Тайронн обнаружил, что вино в последней бутылки не кончается. Вот совсем не кончается. Сколько ни отхлебывай, а бутылка все одно полнехонька. Так сбывалось неслышимое благопожелание Бога Вина. Неслышимое, но действенное.

А потом случилась граница...

Она случилась неожиданно. Он шел себе, шел, и...

Шедд Тайронн подул на онемевшие пальцы и сухо, без слез, всхлипнул. Отчаянно, обреченно. До свободы рукой подать – однако стоит протянуть эту самую руку, как она отнимается от невыносимой боли. Ему осталось сделать шаг, один только шаг – но этого-то шага он сделать и не может. Омерзительная, обессиливающая боль отбрасывает его обратно. Раз за разом отбрасывает.

Шедд Тайронн не мог пересечь границу королевства Рон. Границу, возле которой он стоял под проливным дождем вот уже третий час, не то надеясь на какое-то неведомое чудо, не то ужасаясь самой мысли, что чуда не произойдет.

Кое-как непослушными руками Шедд Тайронн вытащил из-за пазухи бутылку, выдрал зубами пробку, выплюнул ее прямо в лужу и залпом выхлебал жгучую темную жидкость. Бутылка вновь наполнилась. Горлышко увенчала новая пробка.

Чудо?

Наверное. Но его недостаточно, чтоб одолеть границу.

Шедд Тайронн потряс головой, с отчаянием глядя вдаль – туда, где свобода смыкалась с бесконечностью.

Попался. Столько прошел, ни минуточки трезвым не был и все же – попался. Где? Как? Кто знает...

Он мог бы поклясться, что миновал все тайные и явные ловушки, устроенные Джели и другими магами ронского Осназа, дабы не выпускать из замка и государства его самого, а заодно и прочих придворных. Все ловушки, все заклęcia, – Шедд Тайронн хорошо помнил их липкую пристальность, она так сродни невидимым касаниям магических нитей, превращающих живого человека в безвольную марионетку, – казалось, он прошел их все, эти проклятые капканы, и Джели – он ни разу не ощущал ее незримого присутствия!.. она не могла узнать, где он!.. не могла! И все же он пойман. Каким-то случайным, вряд ли именно на него рассчитанным заклüтием. Как же глупо все вышло. Джели не слышит, не чувствует его, но ему все равно не уйти. Он обречен торчать здесь вечно. Пока не кончится странное чудо бездонной бутылки. А тогда Джели мигом обнаружит его.

Обнаружит.

Ему нужна помощь. Вот теперь ему действительно нужна помощь. И гораздо больше, чем тогда, с разбойниками. Так почему же не получается призвать Бога Вина? Ведь он пьян, пьян тяжело и несомненно, и отчаяние только усугубляет опьянение. Так почему молитва не идет с уст? Почему слова замерзают на губах? Почему не приходят на память ни те давние, еще в детстве выученные, ни те, что пришли неожиданно и так кстати? Почему?

Он еще раз попытался позвать Бога Вина – просто позвать, безо всяких молитв... но даже этого не вышло.

Неужто поймавшее его заклятие не позволяет просить помощи? Тогда он пропал. Самому ему не выбраться. А обратно он не повернет. Никогда. Так и будет стоять здесь, на окраине невыносимой боли. А когда совсем устанет – разбежится и прыгнет в эту боль головой. Вот интересно, как долго он умирать будет?

Шедд Тайронн кривил душой. На самом деле он знал, что никуда не бросится. Никуда не прыгнет. Не посмеет умереть. Ведь с его смертью умрет и его любовь к Джели. А это... это... это было выше его сил. Он не мог сделать этого. Шедд Тайронн еще раз попытался молиться... и вдруг вспомнил, почему он не может призвать именно этого Бога. А вот не надо было отвлекаться на уроках Почитания Богов!

– Идиот я! – дрожащими губами прошептал Шедд Тайронн. – Идиот! Границы не в Его ведении! Здесь он слабей всего! Вот почему вдоль границ виноградников нигде нет... – Он не придет, – упавшим голосом добавил несчастный бывший король. – Не придет. Кого же мне позвать? Кто вообще станет помогать такому, как я? Такому...

Он обвел мир вокруг себя нервным горячным взглядом, его губы дрожали, по лицу текли слезы.

– Помогите мне! Помогите мне кто-нибудь! – отчаянно выкрикнул он, обращаясь ко всему миру сразу.

В мире что-то дрогнуло – и пришел ответ.

– Что-то твои маги-разведчики не торопятся. – С наслаждением зевнув, Курт начал выбираться из ванны. – Так я не только поест, но еще и выспаться успею. Знаешь, я, пожалуй, поработаю на вашу хитрую организацию. Если они своим работникам предоставляют такие ванны, такие пироги и такие кровати, а сами при этом еще и не спешат чего-то там требовать...

– А ты и рад, что все затягивается, – укорил посох. – Бездельник! Нет бы как следует потренироваться. А ты вместо этого почти час в ванне размокал, как только не растворился! Теперь, наверно, еще час лопать будешь, а потом дрыхнуть завалишься!

– Я еще и в уборную схожу! – пригрозил Курт.

– Я в этом не сомневался, – скорбно заметил посох. – Ты еще и не на такую подлость способен, лишь бы только не заниматься.

– Сам дурак! – ухмыльнулся Курт, обматываясь полотенцем. – А если честно, ну не чувствую я желания с утра до вечера колдовать. Вот если бы спасти кого-нибудь нужно было... если бы кто позвал... помочь кому-нибудь...

Бог Вина слышал Шедда Тайронна. Отлично слышал. Но... границы! Проклятые границы, над которыми у него нет власти! Он не то что попасть туда, он даже ответить этому бедолаге внятно не сможет. А этот болван даже и не догадывается позвать какого-нибудь другого Бога! А ведь без зова Боги не приходят. Они и на зов-то... ну это как кто, конечно... Он-то – всегда старается, а другие...

Вот тут недавно один приятель гостил, Бог Повседневных Мелочей, так он жаловался, что его верующие совсем замаяли. Ну и то правда, хлопотная у него работенка, ничего не скажешь. Вино ведь оно и есть вино, а мелочей этих – чертова уйма, поди упомни все, а потом еще и разберись, что кому надобно, да все успеешь, да всем угоди, да никого не забудь. На такой работенке и в лютый мороз упаришься, а в жару так и вовсе помрешь. Бог Вина тяжело вздохнул.

Недавно у него Сиген гостил, совсем недавно. С такой симпатичной маленькой Богинькой. Она, бедняжка, континентами заведует. Тяжелая работа для такой юной и хрупкой девушки. Поди приberi эти континенты да проследи, чтоб на них все в порядке было, да

то-другое-третье. На вызовах, правда, редко бывать приходится, но зато уж если вызовут... или святой какой, чтоб ему под оба глаза засветило, о благе всего мира, мерзавец, печется... или завоеватель, чтоб ему войны полные штаны накатило... а то еще хуже – философ или ученый какой... Зануды, психи, фанатики, одним словом – ужас.

В этот миг донесшийся от Шедда Тайронна молитвенный вопль оборвал воспоминания Бога Вина.

– Помогите мне! Помогите мне кто-нибудь!!! – отчаянно, на всю Вселенную, вещал Шедд Тайронн.

– Ну, хвала Старшим, наконец-то правильно помолился! – облегченно вздохнул Бог Вина прикрывая от этого вопля ту сторону Мира, в которой этот вопль мог бы стать внятен ронским магам и их страшной предводительнице.

И почти тут же Бог Вина услышал еще один голос. Знакомый голос.

– Вот если бы спасти кого-нибудь нужно было... если бы кто позвал... помочь кому-нибудь... помочь...

– Сиген? – удивленно пробормотал Бог Вина. – Да ведь ты ж совсем недавно жаловался, что умираешь от усталости! На подвиги потянуло? Мелочей недостает – приключений захотелось?!

Бог Вина схватил Чашу Истины, дохнул в нее и всмотрелся в замерцавшее вино.

Завернувшись в полотенце, слушая воркотню посоха, вылезая из ванны, Курт никак не мог знать, что он удостоился божественного внимания. Хотя если бы он чаще прислушивался к речам своего деревянного наставника, он помнил бы, что маги должны аккуратнее обращаться со словами. Особенно маги, побывавшие Богами.

– Помогите мне кто-нибудь! – выкрикнул Шедд Тайронн, бывший ронский король.

– Помочь кому-нибудь... спасти кого-нибудь... если бы кто позвал... – беспечно заявил бывший временно исполняющий обязанности Бога Повседневных Мелочей.

Бог Вина произнес замыкающее заклятие – и эти фразы встретились. Когда маг желает помочь кому-нибудь, а этот кто-то страстно просит о помощи, Сила мага просыпается сама и действует. Решительно и без промедлений.

Когда слова короля и слова мага переплела воедино непреложная воля, когда что-то менять было уже поздно, Бог Вина понял свою ошибку. Он обознался. Тот, кого он принял за Сигена, был вовсе не Сиген. Он и Богом-то не был! А вот магом был... и еще каким! Еще миг – и Бог Вина понял, почему он ошибся. Понял – и усмехнулся.

– Что ж, это никак не хуже! – усмехаясь, заметил он. – Может быть, даже лучше. Сиген даже для Бога изрядный раздолбай, а этот его бывший заместитель, видать, мальчик ответственный. И потом – парень так и рвется поработать. Грех помешать столь благородным устремлениям.

Когда непреложная воля властно извлекла мага из горячей ванны, Бог Вина осушил свою Чашу со словами:

– Да будет так!

И стало так.

Мечтавший помочь хоть кому-нибудь обитатель горячей ванны быстрее мысли шагнул навстречу своему мечтанию – только полотенце мелькнуло.

– Помочь кому-нибудь... – объявил Курт, вышагивая из ванны.

Он надеялся шагнуть на красивый зеленый коврик. Его надеждам не суждено было исполниться. Он шагнул на ронскую границу. Под холодный дождь и ветер. Уже понимая, что опять что-то пошло не так, и, одной рукой придерживая полотенце, он успел-таки ухватить посох – черт знает как дотянулся, не иначе что магия.

– Ой, Мур, что это?! – взвыл Курт, отчаянно вырываясь из ледяных объятий дождя и ветра.

В такую погоду плащ бы не помешал, а еще лучше костер и шалаш, а еще лучше дом и камин... а вот полотенце в такую погоду никуда не годится. Особенно если, кроме полотенца и посоха, совсем ничего нет.

– Что я вижу, ты все же внял моим мольбам и решил немного попрактиковаться? – весело удивился посох.

– Чтоб тебе треснуть с твоими шуточками! – возопил Курт. – Что я – совсем с ума сошел, что ли?! Или... или это и впрямь твои шутки, Мур?!

– Ну вот, а я уж решил, что ты за ум взялся! – насмешливо огорчился Мур.

– Ничего себе – за ум! – разорвался Курт. – Из теплой ванны в эдакую мерзлую гадость! Признавайся, это твои шутки?!!

– Признаюсь: нет! Не мои, – хихикнул Мур.

– Не твои? – оторопел Курт. – Но тогда как...

– Не знаю, Курт, – ответил посох. – Честное слово – не знаю. Могу только догадываться.

– Ну так догадывайся быстрее, пока я тут не околел! – выпалил Курт.

– Маг должен с достоинством переносить лишения, – наставительно заметил посох.

– Сам переноси свои лишения! Вот куда хочешь, туда и переноси! – огрызнулся Курт. –

А я ненавижу таскать тяжести.

– Юмор – это уже неплохо, – похвалил посох. – Юмор – составная часть достоинства. Так вот, если помнишь, как-то раз мы беседовали...

– Короче! – простонал Курт. – Я замерзаю! Моему трупу это будет неинтересно!

– Любишь ты по пустякам шум поднимать, – неодобрительно проговорил посох. – Труп... скажешь тоже... Ладно. Если совсем коротко, то слушай: я как-то говорил...

– Еще короче! – поторопил Курт.

– Я говорил тебе, обалдую... – терпеливо продолжил Мур.

– Короче! – клацая зубами, стонал Курт.

– Чтобы ты внимательней следил... – В голосе посоха появилась легкая напряженность.

– Мур! – взвыл Курт.

– За своими словами! – чуть рассерженно, с нажимом закончил посох.

– Замерзаю! Что я такого сказал?! – завопил Курт.

– «Спаси кого-нибудь...», «Помочь кому-нибудь...», «Если бы кто позвал...» – процитировал посох.

– И что? – эхом выдохнул Курт.

– А то, что твоя магия хочет того же, чего и я, – она хочет, чтоб ты учился. Учился и стал магом.

– Не понимаю. – Курт окончательно промок, его тело приспособилось к дождю и ветру, он даже дрожать перестал.

– Сейчас поймешь, – пообещал посох. – Где-то здесь находится некто, нуждающийся в помощи. Как только ты высказал свое дурацкое пожелание – а ведь я предупреждал! – Сила тотчас перенесла тебя, дабы ты учился. Учился и вообще, и отвечать за свои слова в частности.

– Ты хочешь сказать, что из-за того, что я случайно ляпнул... но я ведь просто... – растерянно проговорил Курт.

– Маг не имеет права случайно ляпнуть, – строго сказал Мур. – Впрочем, все вышло как нельзя лучше. Тебе осталось найти несчастного, оказать помощь, а потом мы еще раз потренируем портал.

– Быть может, прямо с портала и начнем? – с робкой надеждой спросил Курт. – Кто его знает, где этот несчастный? Как его искать по эдакой погоде? Может, его и вовсе нет?

– Даже и не пробуй, – отозвался Мур. – Сила тебя не отпустит. Это со мной ты можешь ругаться и даже на своем поставить, если повезет, а с ней такой номер не пройдет. Уж если она что решила, значит, решила. И придется тебе исполнить то, зачем она тебя сюда притащила. Поэтому делай, что я тебе говорю. Это самый быстрый способ вновь оказаться в теплой ванне.

– Ладно, – вздохнул Курт. – Твоя взяла. Как его искать этого... несчастного?

Последнее слово Курт произнес с особым чувством. Сказать, что оно было добрым, значило бы погрешить против истины.

– Курт... он-то – ни в чем не виноват! – укорил Мур.

– Конечно, ни в чем, – проворчал Курт. – Не мог выбрать более приятную погоду.

– Помогите! – прозвучал голос, исполненный такой боли и ужаса, что Курт вздрогнул и устыдился. – Помогите хоть кто-нибудь!

– Прости, Мур! – ошарашенно выдохнул Курт. – Ты прав, как всегда! А я – скотина ленивая! Тут и в самом деле кому-то плохо.

– Эй! Отзовись! – закричал он, вглядываясь в дождливый сумрак. – Отзовись, я иду на помощь!

Мгновенное молчание было ему ответом, а потом...

– Здесь я, здесь! – завопил кто-то.

И от мучительной радости, слышавшейся в этом дрожащем крике, Курту вновь стало стыдно.

– Мур, когда все это закончится, дашь мне по лбу! – покаянно промолвил Курт, делая шаг навстречу голосу.

– Обойдешься! – отрезал посох. – Иди, спасай его!

Идти спасать кого-то, обмотавшись полотенцем, – то еще занятие. И вид, разумеется, соответствующий. Впрочем, Шедду Тайронну было безразлично, как выглядит его спаситель – лишь бы спас. Курт же предпочел бы любое другое одеяние, но кто его спрашивал? В конце концов за пару шагов до спасаемого ему удалось кое-как закрепить проклятое полотенце. К бывшему ронскому монарху Курт подошел уже вполне в приличном виде... особенно если не придирается и не приглядывается.

– Что с тобой случилось? – доброжелательно спросил он у дрожащего мелкой дрожью, мокрого и грязного незнакомца.

– Не подходи! – вытянув руки перед собой, хрипло взвизгнул тот. Курт остановился.

– Разве не ты звал на помощь? – удивленно спросил он.

– Я! – дрожа ответил незнакомец. – Не подходи.

– Но как же я тогда тебе помогу? – озадачился Курт.

– Положим, если ты немного подумаешь... – начал Мур.

– Думать под таким дождем! – возмутился Курт, делая шаг к незнакомцу. – Так что все-таки с тобой случилось?

– Стой! – взмолился тот. – Не подходи! Ловушка!

– Ловушка? – удивился Курт. – Я что-то ничего...

– Вот и я – ничего... – обреченно вздохнул незнакомец. – Пока не попался.

– Ловушка, – хладнокровно подтвердил посох. – Черная магия времен Голорской Империи. Стандартный армейский вариант. Установлена около года назад. Предположительно человеком. Мужчиной. При установке применен необычный способ отклонения ощущений.

– Что-что применено? – переспросил Курт.

– Если даже ты обучен чутя такие ловушки – эту все равно можешь не заметить, – пояснил посох. – Чтоб ее почутя, нужно пройти на сотню шагов правой, именно туда смещены все те потоки Сипы, которые можно почувствовать. Даже сейчас, уже захлопнувшаяся

яся, она почти неощутима. И может сработать еще раз. Так что – он прав. Стой здесь и не подходи.

– По что же тогда делать? – огорчился Курт.

– Учиться, – ответил посох. – Если ловушка обнаружена, ее вполне можно обезвредить.

– Но я ни разу не...

– Думаю, у тебя получится, – обнадежил Мур. – Иначе зачем бы твоей Силе тащить тебя именно сюда. Этот несчастный – не единственный человек в мире, которому нужна помощь. Так что вывод очевиден – ты справишься.

– Ну так говори, что делать, – поторопил Курт. – Ему же плохо. Я вижу.

– Сначала успокойся, – посоветовал посох. – Ему станет куда хуже, если ты наделаешь ошибок. Только точное выполнение моих рекомендаций может гарантировать ему жизнь и свободу. Впрочем, пожалуй, я помогу тебе, – чуть погодя добавил он, – не ради тебя, но ради этого бедняги. Он и в самом деле настрадался. Сделай шаг назад!

Курт повиновался – и неопишное состояние «ученика мага» охватило его. Когда оно закончилось, он был счастлив, спокоен и уверен в себе. Он знал, что в его силах справиться с любым самым сложным делом, что у него все выйдет, главное – постараться.

Шедд Тайронн во все глаза глядел на странного мага. Он так надеялся на спасение, так ждал, что придет хоть кто-нибудь... и он пришел. Вот уж действительно «кто-нибудь»! Не маг. Ученик. Причем у него даже и Учителя нормального нет. Посох у него заместо учителя. И вот сейчас он будет учиться спасать. На нем учиться. И ведь никто не может поручиться, что урок пройдет успешно. Никто!

– Значит, так, – сказал Мур, – чтобы справиться с этой ловушкой, ее нужно увидеть. Обычным взглядом ее не углядеть. Магическим зрением ты уже несколько раз пользовался, сам того не сознавая, на сей раз придется проделать это осознанно.

«С азов, значит, – подумал Шедд Тайронн. – Глядишь, через годик-другой они меня и спасут. Если я не околею к этому времени».

– Не понимаю, о чем ты... – промолвил Курт.

«Вот-вот, и я о том же... – тоскливо подумал Шедд Тайронн. – Не понимаешь».

– Почти в самом начале пути, когда ты сражался с магами Осназа и вынужден был сбежать из тела к Озеру своей Силы, – напомнил посох.

– И что? – Непонимание в голосе Курта усилилось настолько явно, что Шедд Тайронн пришел в отчаяние.

– Озеро. Ты видел его магическим зрением, – сообщил посох своему магу. – Для обычных глаз этого места и вовсе нет.

– Что ж ты мне тогда этого не сказал? – возмутился Курт.

– Тогда тебе и без того хватало, – ответил посох. – Да и мне тоже.

– А теперь я ничего не помню, – развел руками Курт. – То есть помню, конечно, но... вряд ли это поможет.

«Боги, ну почему мне так не повезло!» – мысленно простонал Шедд Тайронн.

– Понял, – вздохнул посох. – не помнишь. Что ж, попробуем по-другому. Брось меня на землю.

– Что? – оторопел Курт.

– Брось меня! – рявкнул посох.

Шедд Тайронн вздрогнул и с ужасом уставился на своих спасителей. Они явно ссорились. Вот поссорятся, потом подерутся, а потом и уйдут куда глаза глядят, уйдут и его бросят. Торопливо достав заветную бутылку, Шедд Тайронн с наслаждением к ней приложился. Полегчало. Мир начал восприниматься гораздо более забавно. Маг-то какой смешной! В полотенце! С посохом своим ругается. Психи?

– Брось меня! – еще раз рявкнул Мур.

– В лужу? – потрясенно спросил Курт.
– В лужу! – зарычал посох.
– Вот в эту? – жалобно поинтересовался Курт.
– Бросай! – взревел посох. – Вот в эту и бросай! Человеку совсем плохо, не видишь, что ли?! Бросай, кому говорят!

И Мур пребольно врезал Курту по лбу, по уху и под дых.

– Вау! – взвыл Курт от первого удара.

– Уй! – продолжил он, получив второй.

– Ук! – вякнул он, отхватив третий и уронив посох.

– А теперь подними меня! – завопил-заверещал посох. – Немедленно извлеки меня из этой мокрой гадости! Я тону!

Курт дернулся, чтоб поднять взбесившуюся деревяшку, но не тут-то было! Его спина не собиралась сгибаться. Его ноги словно окаменели. Он просто не в состоянии был нагнуться или присесть, или совершить еще что-нибудь, способствующее подниманию посохов.

– Протяни руку и подними меня! – верещал посох. – Быстрей, не то я захлебнусь!

Курт протянул руку, но, конечно же, не дотянулся.

– Мур, я... – взволнованно начал он.

– Скорей! – пробулькал посох. – Я захле... е... буль... буль... юсь... захлебнусь... бнусь... бульсь!

Закричав от отчаяния, Курт потянулся изо всех сил и... медленно поднял из грязи совершенно неиспачканный посох.

– Буль! – торжествующе сказал посох, и Курт чуть не уронил его обратно.

Он поднимал его чем-то невидимым, чем-то, что растет из его ладоней, чем-то, что является его, Курта, продолжением. Он уже понял, что посох его надул, – ни черта он не тонул, проклятый притворщик! – но сердиться было некогда.

– Утопленничек чертов! – только и буркнул Курт.

– Ну и как тебе твои магические руки? – с любопытством спросил Мур. – Мне, по правде говоря, никогда не нравилось сочетание фиолетового с оранжевым, но кто я такой, чтобы спорить?

«Психи, – наконец-то понял Шедд Тайронн. – Они просто психи. Оба».

– Фиолетового с оранжевым? – переспросил Курт. – О чем ты?

– Все еще не видишь, – огорчился посох. – Ну ничего. Делу это не мешает. Освободи правую руку. Нет, не бери меня обычной рукой. Продолжай удерживать в магической. Да-да, в левой. А правую протяни к этому несчастному. Только осторожно. Медленно. Стоп. Его бутылка тебя не интересует. Чуть ниже. И правей. Еще правей. И еще немного. И опять вниз. Стоп. Нащупал что-нибудь?

– Кажется, – одними губами ответил Курт.

– Вот и держи. Да покрепче. – обрадовался Мур. – Хорошо держишь?

– Стараюсь, – пропыхтел Курт. – Может, я все-таки возьму тебя обычной рукой, а то тяжело ведь.

– Ни в коем случае! – торопливо воскликнул посох. – Твои магические руки тотчас исчезнут! Потерпи немного, уже недолго.

Шедд Тайронн во все глаза глядел на странные манипуляции невероятной компании.

«Мне попался сумасшедший маг и безумный посох», – плясало у него в голове.

Вместе с тем он почему-то успокоился. Успокоился, несмотря ни на что. Казалось бы, компания двух психов только усугубляет ситуацию и никак уж не может служить к ее успокоению. Но тем не менее Шедд Тайронн впервые за долгое, нескончаемо долгое время чувствовал себя хорошо и спокойно. Он почему-то чувствовал, что ничего плохого и неправильного с ним уже не случится. Теперь манипуляции двух ненормальных вызывали у него

скорей доброжелательный интерес, развлекали бывшего короля в его вынужденном бездействии. Но тут посох повелел такое...

– А теперь размахнись как следует ногой, – повелел посох Курту, – размахнись и пни этого несчастенького в правую ягодицу! Так, чтоб он вокруг самого себя завертелся!

– Что? – оторопело поинтересовался Курт.

Шедд Тайронн даже слова выдать не сумел.

– Видишь, где у него правая ягодица? – агрессивно осведомился Мур.

– Вижу, – ошеломленно отозвался Курт.

– Вот это и есть магическое зрение, – довольно сообщил посох.

– Почему? – удивился Курт.

– Да потому что он к тебе лицом стоит, болван! – воскликнул посох. – Ладно. Это так.

К слову. Делай, что тебе говорят!

– Но – зачем? – недоумевающе спросил Курт. – За что? – добавил он тут же.

– Неужели он тебя не достал? – ядовито усмехнулся посох. – Стоит тут, мокнет, вино хлебает, мерзавец! Нас с тобой психами почему зря обзывает, да еще не вслух, а про себя. Врежь ему как следует!

– Он бедненький, – убежденно заявил Курт.

– Ну так врежь ему, чтоб разбогател! – рявкнул посох. И добавил: – Это единственный способ распутать ловушку. То есть не единственный, конечно, но с твоим ненадежным магическим зрением... А потом, он действительно заслужил этот пендель, так что можешь не стесняться.

– Но... я до него не дотянусь. – уверенно заявил Курт.

– Опять! – рявкнул посох. – Не думай! Бей! Бей его!

Курт размахнулся и...

Шедд Тайронн не ощутил пинка. Было совсем не больно. Шедд Тайронн чувствовал себя флюгером, на который налетел, захватил его и завертел неожиданный ветер. На свой лад это было даже весело, хотя и странно. Он успел сунуть за пазуху заветную бутылку, а потом...

Вращение прекратилось внезапно. Силой вращения его бросило вперед, он пробежал несколько шагов, налетел на странного мага и опрокинул его в лужу.

– Ой! – только и успел воскликнуть Курт.

А Мур и того не успел.

– Ох, простите ради Богов! – воскликнул Шедд Тайронн, пытаясь встать и протянуть магу ту руку, которая была меньше перепачкана грязью. – Право слово, я не хотел! Сам не пойму, как это вышло! Как неучтиво с моей стороны!

И тут до него дошло. Оглянувшись назад и убедившись, что граница пройдена, а значит, ловушка вынуждена была разжать свою жадную пасть, и он свободен – свободен! – Шедд Тайронн с невыразимо радостным счастливым воплем бросился обнимать уже почти выбравшегося из лужи Курта, и они свалились обратно, подняв тучу восхитительных брызг.

– Свободен! Свободен! – стонал Шедд Тайронн, и слезы радости, слезы облегчения текли по его щекам.

– Знаешь, Курт, неплохо бы нам освободиться от этого «свободного» и отправиться обратно, – негромко заметил Мур. – Я, конечно, ничего не имею против выражений восторга и изъятий благодарности, но, по правде говоря, мне надоело лежать в луже.

– Мне тоже, – кивнул Курт.

– Да? – удивился посох. – А мне показалось, что тебе пришлось по вкусу водные процедуры.

– Тебе показалось, – пробурчал Курт, тактично выскальзывая из объятий Шедда Тайронна и начиная строить портал.

Портал построился быстро. Когда вокруг мерзкий холодный дождь, а где-то там тебя ждет горячая ванна, порталы как на дрожжах растут.

– Постой! – вдруг окликнул его спасенный.

Курт, уже занесший было ногу, остановился. Портал тут же воспользовался моментом и, съезжившись со зловещим чмоканьем, исчез.

– Кто ты такой? – требовательно спросил спасенный.

– А сам ты кто? – вопросом на вопрос нахально ответил Курт.

«Строй теперь из-за него новый портал!»

Спасенный вытащил свою загадочную бутылку, осушил ее единым духом, облегченно вздохнул и ответил.

– Я – никто, – веско промолвил он, оглядел свою весьма походившую на лохмотья одежду и гордо добавил: – Я – нищий!

«Ага. Видали мы таких нищих! – ехидно подумал Курт. – И одежда твоя на самом деле не лохмотья, и вид у тебя больно сытый. Пусть меня разразит, если ты голодаешь больше недели!»

Ему, не один год прожившему в лохмотьях, повидавшему голод в самых разных видах, сразу стало ясно, что спасенный, мягко говоря, темнит. Да – в последнее время парень явно питается только питьем из своей загадочной бутылки, но раньше он ел досыта, застарелый голод не оставил следов на его теле. Да – его одежда рваная и грязная, но только какой-нибудь трескающийся от жира вельможа или бдительный господский сыщик примет ее за лохмотья; любой же бродяга, побирушка, карманник, любой шпаненок из подворотни скажет, что на вельможном господине одежда новая и дорогая, вот только запылилась малость – ну так это и подправить недолго: окунуть ее пару раз в речку – всего и делов, а заодно и господин пусть окунется, он тоже малость того, пыльный... А самое главное – ни у кого из нищих нет этого горделивого взгляда, этого вызова в голосе: вот он я каков! За эдакий вызов на улице так палками отхолят – месяц не встанешь. Зачем далеко ходить – вот он, Курт, давно уж не нищий, а маг, причем, если верить посоху, даже и великий маг, а прикрикни на него кто погромче – и... да что там говорить!

Так что темнишь ты парень! Темнишь. Ну да ладно, дело твое, хочешь темнить – темни. Тебя ведь никто за язык не тянул. Сам с расспросами полез. А вот отвечать я тебе буду в твоём же духе, ты уж не взыщи, почему это ты обо мне должен знать больше, чем я о тебе?

– Подумаешь, я тоже нищим побывал! – с рассчитанной небрежностью бросил Курт. Сработало.

– А до того я был королем, – с невнятной угрозой сообщил спасенный.

«Ужас как страшно! – насмешливо подумал Курт. – И что – я теперь должен в обморок грохнуться от почтения? Ты уж прости, но как-нибудь в другой раз! Сегодня слишком сыро».

– Тоже мне невидаль! – отмахнулся Курт. – Королем! Я вот недавно Богом подрабатывал! И неплохая, знаешь ли работенка...

– Я людей убивал, – хмуро поведал спасенный. – Много.

– Эка невидаль! Да я их просто в кашу растаптывал! – отпарировал Курт.

– Ты – черный маг? – дрогнувшим голосом спросил Шедд Тайронн.

– Ну вот еще! – хихикнул Курт. – Я круглый идиот, неужели не видно?!

– Меня зовут Шедд Тайронн! – громко крикнул спасенный.

– А меня Куртом люди кличут! – насмешливо отозвался Курт, вновь сотворяя портал. – Прости меня, уважаемый господин Шедд Тайронн, но я спешу! Меня ванна заждалась.

– Стой!!! – возопил Мур, и его вопль отразился от мерцающей пустоты портала.

Еще миг – и Курт вновь очутился в ванне.

– О-о-о! – блаженно простонал он, откидывая полотенце и ныряя поглубже. – О-ох!

– Окуни и меня! – потребовал Мур.

Курт повиновался.

– А теперь оботри!

– Слушаюсь, Ваше Величество! – хмыкнул Курт.

– А теперь повтори имя того придурка еще раз! – потребовал посох.

– Да ты разве не слышал? – поразился Курт. – Этот псих так орал!

– Я бы услышал, если б ты меня в грязь не ронял! – рявкнул посох.

– Да ты ж сам велел! – растерялся Курт.

– Не тогда! – шумел посох. – После! Когда этот обалдуй на нас налетел! Ты мне весь набалдашник грязью заляпал! Вот набей себе полные уши жидкой грязи, а потом попробуй что-нибудь услышать!

– Ну прости, – огорчился Курт, – я же не нарочно. Он ведь и меня с ног сбил. Если б я только знал...

– Для того и становятся магами, чтоб знать, – проворчал посох, – так как?

– Что – как? – переспросил Курт.

– Как его зовут, наказание мое?! – взвыл Мур.

– Сейчас вспомню! – пообещал Курт. – Его зовут... Шедд Тайронн! Да, правильно!

Именно Шедд Тайронн. А что?

– Назад! – взревел посох.

– Что? – испугался Курт.

– Немедленно назад! – рычал посох.

– Куда?

– Искать этого обалдуя! Строй немедленно портал. – В голосе посоха отчетливо прорезался металл, а это уже было серьезно. Хитростью да пакостью заставить Курта лишнего поработать – это Мур любит, но жестко-агрессивные приказы не в его характере. Это уж совсем крайний случай должен быть.

Да что же такое произошло? Кто такой этот Шедд Тайронн? А вот стыдно для мене-стреля, пусть даже и неудачника, стыдно не знать современную историю. Уж королей-то всяко помнить нужно. Пойми Курт сразу, кто перед ним, – насколько легче было бы и ему, и несчастному беглецу тоже.

– Мур, но зачем он нам? – попробовал выяснить Курт. – И маги твои скоро придут.

– Плевать на магов! – бушевал посох. – Мигом назад! Живо!

– Можно, я оденусь? – робко поинтересовался Курт.

– Заткнись! – рявкнул Мур, и Курт уловил вокруг себя знакомое мерцание портала.

Посох открыл портал самостоятельно! А ведь врал, что не может! Еще миг – и они очутились на прежнем месте. Только теперь Курт восседал в ванне. Голый. В ванне. С посохом в руке. Никакого Шедда Тайронна поблизости не было. Вообще никого не было.

– Ушел, – вздохнул посох.

– Да кто он такой?! – взорвался Курт.

– Шедд Тайронн – нынешний ронский король, – устало пояснил посох. – Меня потрясает твое невежество, – добавил он, чуть помолчав. – Придется всерьез заняться твоим образованием, а то у тебя, кроме сотни-другой баллад, в голове и вовсе ничего нет.

– Ронский король! – ахнул Курт. – Тот, который... тот, из-за которого...

– Вот и я о том же, – промолвил посох.

– А может, он врал? – с сомнением спросил Курт.

– Вряд ли, – вздохнул посох, – это ж каким безумцем нужно сделаться, чтоб таким именем назваться. Да еще здесь, на ронской границе.

– Здесь ронская граница?! – поразился Курт.

– Ну да, – сказал посох, – по ту сторону уже их земля. Впрочем, им теперь кажется, что их земля повсюду.

– Но если ты считаешь, что этот тип и в самом деле ронский король, может, нам поискать его? – предложил Курт. – Нет, – вздохнул посох. – Возвращаемся.

– Так и я о том же! – возразил Курт. – Вернемся. Я оденусь. А потом сюда и поищем.

– Нет, – еще раз промолвил Мур. – Будем ждать агентов. Во-первых, информация такой ценности должна быть немедленно передана в Джанхар. Во-вторых, раз уж мы его прошили, пусть его теперь ищут подготовленные специалисты. Мало ли что может с нами случиться у этих границ. А эта информация должна быть передана. А в-третьих, если твоя Сила, отыскав его в первый раз, не позволила во второй – значит, и не найдешь. Назад.

– Назад, – согласно кивнул Курт. – Только портал сам делай. Я не умею ванны переносить.

– А ее можно и тут бросить, – беспечно отозвался Мур.

– Замечательная идея! – ехидно восхитился Курт. – А хозяину что скажем? Что я ее с голодухи слопал? Так ведь не поверит. Он нам столько вкусностей натащил – нипочем не поверит.

– Даже если ты изволишь собственноручно подпалить его гостиницу, он не выразит тебе ничего, кроме великой радости и неизбывного счастья. И поинтересуется только, каковы будут распоряжения, дозволено ли ему тушить или наоборот – дровишек подкинуть, – зевнул Мур. – Гостиница-то на джанхарские деньги построена. Что б ты ни утворил – ему любой ущерб возместят. Это у тебя будут проблемы, а он человек маленький.

– Возможно, – хмыкнул Курт. – Но мне, знаешь ли, нравится эта ванна, и гостиница тоже. А вот проблемы мне совсем не нравятся. У меня их и так несколько больше, чем нужно, ты не находишь? Одним словом, можно я не буду поджигать гостиницу, а ты как-нибудь доставишь назад эту замечательную ванну?

– Тебе просто не хочется самому портал строить, – резюмировал посох. – Ладно уж, будем считать, что на сегодня с тебя хватит.

Еще миг – и Курт вместе с ванной и посохом вновь оказался в гостинице.

– Ну вот, – сказал посох.

– Ну вот, – тихо согласился Курт, после чего пулей вылетел из ванны, бросил посох на кровать и, ухватив один из пирогов, впился в него зубами. Проглотил. Торопливо запил вином прямо из кувшина. Ухватил кусок мяса с блюда...

– Ты чего? – удивился Мур. – Тебя ванна за задницу укусила?

– Нет, – жуя отозвался Курт, – не укусила.

Он быстро натянул белье, штаны и начал надевать рубашку.

– Просто мне так и кажется, что я из этой ванны опять куда-нибудь попаду! Мне она теперь во сне приснится.

– А ведь я тебе советовал бросить ее там! – усмехнулся посох. – Никогда-то вы, молодые, старших не слушаетесь!

В дверь робко постучались.

– Войдите, – бросил Курт, решительно усаживаясь на кровать и пристраивая посох на коленях.

– Не извольте беспокоиться, Ваша Милость, я только, чтобы сообщить... – Хозяин гостиницы бочком просочился в дверь и застыл, уставившись на ванну.

– Сообщить? – зевнул Курт. – О чем еще сообщить?

Хозяин с трудом оторвал взгляд от ванны и посмотрел на Курта недоуменно и уважительно. Даже с некоторой опаской.

Мур фыркнул.

– Ты уснул? – глядя на хозяина, шутливо поинтересовался Курт. – Или забыл текст своей тронной речи?

Невинная попытка пошутить нисколько не облегчила ситуацию. Хозяин гостиницы тарасился на Курта так, будто у того вторая голова выросла. Наконец глаза его приобрели мало-мальски осмысленное выражение. – Не извольте гневаться, Ваша Милость, я только, чтобы сообщить... – повторил хозяин гостиницы и умолк, уставясь на Курта.

– Да, – мягко сказал Курт, – я не гневаюсь. Я слушаю.

У него возникло ужасное подозрение, что хозяин гостиницы так и будет повторять эту свою неоконченную фразу, но тот оказался крепким человеком. Поборов нервный шок от созерцания собственной ванны — интересно, чем она его так поразила? – и общения с Куртом, он продолжил:

– Я, значит, это... насчет того... как бы это сказать... агенты, значит, того – задерживаются, словом...

– Задерживаются? – переспросил Курт.

Он старался говорить как можно мягче, опасаясь вновь напугать хозяина до безъязычия. Эта тактика оказалась верной. Хозяин слегка отошел от испуга, вызванного наличием рядом с ним столь высокой особы, и следующее предложение вышло у него гораздо лучше.

– Ваша Милость, они велели мне передать Вам, что Затылок повесил Пояс над Ладонью. Пояс хорош, но путь долог, – улыбаясь, сообщил хозяин гостиницы, страшно довольный тем, что ему удалось сообщить всю эту абракадабру, ничего не перепутав.

Теперь уже Курт вытарасился на него в недоумении.

– Ни слова! – шепнул ему Мур. – Я тебе все объясню. Поблагодари его и отпусти.

– Благодарю, – улыбнулся Курт. – Ты свободен. Понадобись – позову.

Хозяин гостиницы низко поклонился и выскользнул за дверь.

– Что еще за пояс? – удивленно спросил Курт. – И при чем здесь какой-то затылок?

– Затылком на тайном языке разведчиков называют джанхарского Верховного Мага, – пояснил Мур, – Поясом – особую защиту, делающую невозможным перемещение с помощью порталов, Ладонью – сам Джанхар. Следовательно, сообщение можно расшифровать так: Главный Маг Джанхара наконец смог установить над всей страной магическую защиту от вражеских порталов. Он давно пытался это сделать, но это – почти непосильная работа, даже и для него! Все-таки смог! Теперь ронские армии не смогут выныривать из порталов в глубине Джанхара.

– А что это значит для нас? – спросил Курт.

– Так ведь из-за этого агенты и задерживаются, – ответил Мур. – Враги не могут проникнуть к нам, но и наши маги не могут пользоваться порталами и не смогут, пока над страной висит Пояс. А значит, чтоб добраться до нас, они должны вначале покинуть Джанхар и только потом строить свои порталы. А Джанхар, не забывай, окружен ронскими армиями. Сквозь них еще просочиться нужно. Так что у тебя будет время поспать в этой кровати. Быть может, даже и позавтракать успеешь.

– Я думаю, это совсем неплохо, – усмехнулся Курт.

– Плохо, – вздохнул Мур. – У нас срочные сведения. Их необходимо передать уже сегодня. Придется воспользоваться магическим кристаллом нашего хозяина.

– Но ведь я не умею работать с магическим кристаллом, – возразил Курт, – я даже не видел ни одного.

– А тебе и не нужно уметь, – отозвался посох, – твоя задача потребовать кристалл у хозяина, а потом просто приложить меня к нему набалдашником.

– Другое дело, – повеселел Курт. – Только...

– Что – только?

– Тебе не кажется, что наш хозяин... ну странный, что ли?

– В смысле?

– А чего он на ванну-то пялился? – Курт еще раз посмотрел на ванну и вновь не нашел в ней ничего особенного.

– Ах вот ты о чем! – фыркнул посох.

– Ну да, – кивнул Курт.

– Это я виноват, – усмехнулся посох. – Когда тебя с ванной переносил – портал открыл неаккуратно. Промазал малость. Очень уж меня эта история с королем из себя вывела. Надо же чтобы такое – рядом ведь был! Поэтому я и промазал. Ванна ведь у другой стены стояла.

– Ну так что?

– А то, что она тяжелая до неподъемности! – развеселился посох. – Хозяин ведь не знает, что ты маг! Далеко не все разведчики – маги. Разведчику ведь не очень удобно быть магом, прямо скажем, совсем неудобно, его любой другой маг почует. Бот теперь наш хозяин и гадает, как тебе этот номер с ванной повернуть удалось и какая же в тебе силища, а главное – зачем тебе все это понадобилось, для каких таких оперативных целей и стратегических соображений? Ну и побаивается тебя. Уважительно эдак побаивается.

– Мне от его уважительности скоро нехорошо сделается, – пробурчал Курт.

– Ничего, это не во вред делу, – утешил его Мур.

– Зато во вред мне, – возразил Курт. – Я не привык, чтобы передо мной люди – вот так...

– К этому трудно привыкнуть, – понимающе вздохнул посох. – Но глупые люди, знаешь ли, везде есть. Они готовы пинать тебя ногами, если ты, по их мнению, ничего не стоишь, и они же первыми примутся ползать на брюхе, если им покажется, что ты хоть каким-то боком относишься к власти И при этом им совершенно не важно, что ты на самом деле из себя представляешь.

– Вот это-то и противно, – кивнул Курт.

– Ужасно противно, – согласился Мур, – но вполне переносимо, можешь мне поверить. Такой великий маг, как ты, с. легкостью справится с этой небольшой проблемой, вот увидишь. Давай зови его!

Рядом с кроватью, на резной тумбочке красного дерева, стоял, улыбаясь золочеными боками, небольшой колокольчик. Курт взял его и позвонил. Голос у колокольчика оказался не по размерам большой. Курт аж вздрогнул и чуть не уронил его.

Шаги хозяина торопливо одолели лестницу. Раздался прежний робкий стук в дверь. Курту пришлось крикнуть: «Войдите!» – только после этого хозяин гостиницы осмелился перешагнуть порог его комнаты.

– Чего изволите, Ваша Милость? – угодливо спросил он.

– У тебя должен быть магический кристалл, – не тратя времени на предисловия, проговорил Курт, – он мне нужен Принеси его мне.

– Осмелюсь доложить, Ваша Милость, так что значит, нет у меня кристалла... – виновато проговорил хозяин гостиницы. – Нет кристалла? – недовольно нахмурился Курт.

– Осмелюсь доложить, Ваша Милость, я был удостоен чести обладания волшебным шаром! – сияя, как новенький медяк, сообщил хозяин гостиницы.

– Вот и неси его сюда, – распорядился Курт.

– Сию минуту, Ваша Милость! – Хозяин Гостиницы поклонился так низко, что треснулся головой об пол, охнул и тихо выскользнул за дверь.

Обратно он вернулся довольно скоро – но не так скоро, как хотелось бы Курту. За время его отсутствия Курт захотел спать. Зевая, он ухватил почтительно протянутый хозяином гостиницы хрустальный шар и уронил его на кровать. Прислонил посох набалдашником к шару.

– Так? – негромко спросил он.

– Так, – ответил Мур, и хрустальный шар замерцал.

– Ох! – пробормотал хозяин гостиницы.

– Готово! – сказал посох.

– Ах! – шепнул хозяин гостиницы.

– Отлично, – зевнул Курт, протягивая шар хозяину гостиницы. – Посох... – восхищенно пробормотал тот. – Так Ваша Милость – из магов?

– Из магов, – еще раз зевнул Курт, – из нищих, из менестрелей, из Богов, из дудочников, и я сам уже не помню, из кого...

Хозяин гостиницы вытаращил на Курта уважительно-испуганный взгляд и почти растелился в поклоне.

«И как это он в коврик не превратился?» – подивился Курт.

Вновь случайно поймав взгляд хозяина гостиницы, Курт вздрогнул. В его глазах он увидел памятник самому себе – из чистого золота, величиной с денгерскую пожарную колокольню и на пьедестале из драгоценных камней.

– Свободен! – вздохнула несчастная жертва последовательного фанатизма, и хозяин гостиницы с поклоном выкатился за дверь.

– Мур, я спать хочу, – жалобно промолвил Курт.

– Так спи, кто тебе мешает? – отозвался посох.

– Ну я же не знаю, что ты еще на сегодня для меня запланировал, – вздохнул Курт.

– Да в общем-то ничего особенного! – хихикнул Мур. – Разве что пару раз мир спасти – так ведь это мелочи!

– Всего-то? Вот хорошо! – зевая, обрадовался Курт. – А ты не знаешь, до завтра мир не потерпит?

– Я только что у него справлялся, – важно проговорил посох, – и у меня есть самая свежая информация на эту тему: он потерпит.

– Как это мило с его стороны... – скидывая одежду и забираясь под одеяло, пробормотал Курт.

На месте великой битвы с гнусным колдуном Курта не оказалось. Зикер и Орден Беглых Магов опоздали. Была уже ночь, и вечные звезды смотрели с небес на землю.

Зикер вздохнул и вытряхнул из кармана свою Башню. Жильцов в ней теперь существенно прибавилось, но на то она и колдовская, чтоб всем хватило места.

– Спать. – приказал Зикер, и Великие Магистры торопливо разошлись по своим комнатам.

Тенгере спал и видел страшный сон. Ему снилось, что он – Эстен Джальн и что он рисует Архимага. Точней – не он сам рисует, но что-то чудовищное, ухватив его огромными пальцами, водит им, как кисточкой, по полотну времени, кровью пространства выводя на нем огненные письмена.

Это было ужасно. Это было омерзительно. Он вырывался и кричал, кричал и вырывался, но невидимые пальцы держали крепко, невысказанно крепко держали... не вырвешься... не выскользнешь... не пустят...

Тенгере знал, что нарисованный Архимаг его съест, но вырваться все равно не смог. Сил не хватило. Сил...

Вот Архимаг нарисовался, нарисовался и проглотил его. Проглотил, а потом стал есть землю, жадно заглатывая ее огромными кусками. И это казалось так страшно, что собственная смерть уже не имела значения.

Он проснулся с криком.

Зикер спал и видел страшный сон. Будто бы он стал наблюдать линии реальности – и не увидел ни одной. Огромное темное пятно напозло на них, напозло и спрятали. И никакие заклятия не помогали рассеять неведомый мрак. Зикеру снилось, что он наклонился над шаром и пытается просунуть в него руки, чтобы разгрести эту муть. Она оказалась склизкой и холодной. Очень склизкой и очень холодной. Она не поддавалась, выскальзывала из

пальцев. Зикер наклонился ниже, напрягся в попытке ухватить непокорную субстанцию, и тогда линии реальности лопнули перетянутыми струнами, взметнулись белыми хлыстами ярости и впились в глаза.

Зикер закричал от боли и ужаса, попытался откинуться назад, но чудовищные нити уже прокололи зрачки и свет померк в глазах старого мага. А нити тянулись, ползли дальше, чудовищными иглами боли проталкиваясь в мозг. Зикер попытался ухватить их руками, выдернуть, выхватить из себя – черт с ними, с глазами! Умелый маг может отрастить глаза! – нужно было спасать самую суть свою, хищно раздираемую взбесившимися линиями! Но коснувшиеся линий пальцы отвалились почти без боли. Линии были острыми! Смертоносно острыми.

Проснувшись внутри своего сна, Зикер рассмеялся. Давненько его уже не мучили такие примитивные кошмары. Одним движением ладони он стер весь приснившийся мусор, собираясь наколдовать себе приличный сон и вновь уснуть. Он бы так и сделал, если бы не одна деталь. Наваждение исчезло не полностью. Мерцающий магический шар остался – и, приблизившись к нему, Зикер вновь увидел линии реальности, покрытые враждебной тьмой.

Зикер не стал рисковать. Он не собирался умереть во сне, даже не узнав, от чего именно. Поэтому он проснулся и задействовал все имеющиеся в его распоряжении охраняющие чары. Выяснив, что никто на него снаружи вроде бы не нападает, он достал магический шар и пробормотал заклятие...

Линии реальности были! И никакая тьма их не скрывала. Правда, в одном месте их действительно заволакивала какая-то подозрительная дымка, но с этим ведь и поработать можно. А если учесть сон – странноватый и страшноватый – то не можно даже, а нужно. И срочно.

Прошло немного времени, прежде чем Зикер понял: дымка не рассеивается – она сгущается. Правда, не слишком быстро, но... Кое-что рассмотреть уже не удастся. Интересно, что бы это могло быть?

Зикер решил увидеть, что прячет дымка, и увиденное понравилось ему еще меньше. На всех линиях, укрываемых дымкой, был Архимаг. Усиливающийся Архимаг. Победительный Архимаг. Дымка прятала его в момент какого-то перелома. Важного ритуала, заклятия или деяния... А появлялся он...

Впервые за долгие годы практики Зикер отказывался верить тому, о чем слаженно вещали линии. Нет. Такого просто быть не может! Никакая магия на это не способна. Никакая. И все же...

Вывалившийся из дымки Архимаг пожирал гигантский кусок реальности, включавший в себя Оннер, Голор и прочие окрестные земли, после чего попросту исчезал из этого Мира.

Из мира нельзя безнаказанно выхватить кусок реальности. Его структура будет нарушена и последует неизбежный распад. Разрушение. Хаос. Конец.

Просмотрев тридцатую по счету гибель Мира, Зикер решил, что с Архимагом пора кончать. Любым способом. Даже если для этого потребуется обрушить весь Орден Черных Башен ему на голову. Зикер поискал линии, не скрытые дымкой. Ага. Есть. Здесь события текли по-другому. Кто может свернуть шею Архимагу? Кто?!

В одиночку – никто? Так. А если вместе? Так. Курт. Тенгере. Джальн.

Джальн?! Поди еще уговори его! А ведь придется. Придется уговорить. Выхода нет. Придется.

Дальше. Кто там у нас? Оннер с Эруэллом и Линардом. Так-так... Линард, значит. Хорошо. Линард – это всегда хорошо. Шенген еще. Ну и топорик у девушки! Тоже неплохо. Да.

А еще?

Джанхар и его Верховный Маг. Ну да! Ну конечно, как же без них! Привыкай, Зикер! Твои враги станут твоими друзьями. Придется это проглотить. Не подавишься? Может, записочку соорудить? Записочку! Такое только топталовкой записывать. Дальше.

Что там еще веселого?

Ага. Вот наконец и мы. Зикер и Орден Беглых Магов. Смотримся неплохо. Орден Беглых Магов под чутким руководством самого Зикера! Ура!

Но сначала – Курт. Первым делом – Курт. Без него вообще ничего не выйдет.

Зикер погасил шар и встал.

– Пора, – сказал он, чувствуя, как ледяные мосты прошлого синим пламенем горят за его спиной.

– Учитель, я видел страшный сон, – проговорил Тенгере, входя.

– И ты тоже, – кивнул Зикер. – Рассказывай.

Он не перебил своего ученика ни разу.

– Значит, землю ел, – сказал он, когда Тенгере замолчал.

– Ел, – кивнул Тенгере. – Это было очень страшно. Сам не знаю почему.

– Сейчас узнаешь, – пообещал Зикер.

Ученик не перебил своего учителя ни разу. – Нам нужен Курт, – сказал наконец Тенгере.

– Больше жизни, – кивнул Зикер.

В Ордене Черных Башен было шумно. Так шумно в нем давно не было. Даже застывший в каменной неподвижности Убийца слегка поморщился и переменил позу.

От злорадного, неистового, иступленного хохота Архимага дрожала и тряслась его личная Черная Башня. Да что там – Башня! Весь Орден сотрясался мелкой дрожью, то и дело подпрыгивая, когда очередной оглушительный пароксизм хохота задевал какой-нибудь особо чувствительный магический нерв.

Архимаг был счастлив. Так счастлив, как давно не был, а может – как никогда. Конечно, если ту мутную, липкую, омерзительную гадость, которую он испытывал, и в самом деле можно назвать счастьем.

Впрочем, архимаги не нам, людям, чета – что мы можем понимать в тех возвышенных и тонких переживаниях, которые они изволят испытывать. Наше грубое ухо вряд ли сможет отличить стоны и вопли одного пытаемого от стонов и воплей другого, и мы с вами вряд ли разберемся, чем запах одной паленой плоти отличается от другой, и вкус крови повешенного... Боги с вами! Да мы с ума свихнемся, если нам только предложат... а если принудят... Да нет, мы свихнемся раньше, раньше чем предложат. А потом нас уже не будет, и принуждать станет некого. А те, кто останутся, те, кто сумеют остаться... те будут уже другие. Именно из таких архимаги и набирают себе слуг. А что касается самих архимагов – они с самого начала хорошо разбираются в таких вещах, причем способны испытывать от них не только удовольствие, но и наслаждение.

Вот такие они возвышенные и утонченные – где уж нам, простым смертным...

Архимаг был счастлив.

Он хорошо запомнил тот день, когда пред его грозны очи явились остатки разгромленной Эруэллом армии. Остатки настолько жалкие, что их и испепелять-то не хотелось. Они и без того были пеплом. К чему силы тратить? Проклятый Эруэлл! Он разбил его армию. Она, конечно, не была самой лучшей, но и худшей он бы ее не назвал. Она была не хуже других, и то, что ее удалось с такой легкостью разгромить, заставляло предполагать, что такой же будет судьба любой магической армии, брошенной против Эруэлла.

Затея Ноома Траара Татима тоже не удалась. Эруэлл вырвался из ловушки, уничтожив хитроумного мага и его механического монстра. Архимагу доставили то, что от них осталось, и это, мягко говоря, было впечатляющим зрелищем. Кроме того, среди рядовых магов начинали ходить слухи о каких-то Богах, служащих в армии Эруэлла. Архимаг боролся с

этими слухами, но не слишком успешно. Правда, оставалась еще обычная армия, состоящая в основном из ронских воинов, также пущенная по следу Эруэлла и его бойцов, но она пока до него не добралась. И кто знает, справятся ли обычные воины там, где спасовали опытные маги? А тут еще и Джанхар закрылся от атак через порталы, закрылся весь, тем самым умудрившись свои, ранее разбросанные по всей стране войска стянуть к границам.

Архимаг до мелочей помнил все эти отвратительные события и пребывал просто в ледяной ярости. А ведь есть еще и непойманный Зикер, проклятый предатель, чьих советов так не хватает господину Архимагу. Есть исчезнувший неведомо куда Курт. Есть, наконец, Темный Бог, которому он обещал этого самого Курта, да так и не принялся всерьез за его поиски. Времени не хватало. Ни на что не хватало времени. Ярость Архимага была чиста и беспредельна. Враги окружали его со всех сторон, и ни на одном из них он не успевал сосредоточиться.

Ну просто ничего хорошего! Сплошные неприятности и огорчения.

И тут – такой подарок.

Неожиданный.

Один из его агентов, наблюдающий за маленькими и якобы мятежными королевствами, обнаружил в одном из них следы явной измены и предательства. Король Лангиари, Арвалирен, собирал огромное войско для помощи своему сюзерену, королю Эруэллу. Вначале Архимаг решил было, что это очередная неприятность, но взглядевшись самолично в хрустальный шар, он просто вострепетал от восторга.

Такой подарок!

Такой восхитительный, невероятный, неожиданный подарок!

И от кого?

От Арвалирена!

Вот бы никогда не подумал...

«Вот теперь ты попался, Эруэлл! – хохоча от восторга, мстительно думал Архимаг. – Эту „помощь“ тебе не пережить! А у меня станет одним врагом меньше!»

– Теперь ты от меня никуда не денешься, проклятый Эруэлл! – хохоча, бормотал Архимаг. – Ты примешь бой там, где я тебе укажу, и так, как я этого пожелаю! Ты не посмеешь бежать, не посмеешь ускользнуть, оставив меня с носом! Твои дурацкие человеческие кодексы чести тебе не позволят!

Архимаг неплохо разбирался в кодексах чести. Архимаги и вообще неплохо в них разбираются. Собственно, это важная часть жизнедеятельности их организма – разбираться в чужих кодексах и не иметь собственных. Говорят, именно так и становятся архимагами.

Впрочем, кто знает?

Кто?

Никто.

Тайна. Великая Тайна.

Хотя действительно Великие Тайны иногда оказываются до смешного простыми и мелкими.

Отсмеявшись, Архимаг вызвал нескольких особо доверенных Великих Магистров.

– Смотрите! – повелел он, тыча пальцем в хрустальный шар.

Великие Магистры смотрели.

– Ну что скажете? – вопрошал Архимаг.

– Безобразие! – нестройным хором откликнулись Великие Магистры. – Смех да и только! Казнить его! Осназ послать!

– Так значит – безобразие... – с наслаждением протянул Архимаг. – Значит казнить... Осназ послать...

«Приятно хоть в чем-то оказаться мудрее других!»

– Безобразие, говорите, – продолжил он, – а по мне, так зрелища прекраснее я отродясь не видывал!

Великие Магистры вытаращились на него в немом изумлении.

– Я желаю, велю и приказываю, – наслаждаясь их замешательством, продолжил Архимаг, – чтобы это «великое воинство» оказалось у нашего противника несколько раньше, чем наша армия, причем в целостности и сохранности!

– Но... Ваша Милость... они только вышли! – растерянно возразил один из Великих Магистров. – Да и зачем? Усиливать противника...

– Распустились, – проворчал Архимаг, – возражать мне? Да еще и вопросы задавать? Не испепелял я вас давно, вот что. Напомните мне потом, чтоб испепелил. А лучше бы думать учились. И наблюдать. «Усиливать противника!» А ну-ка, приглядитесь и ответьте мне – в какой степени это героическое войско повысит боеспособность армии Эруэлла?

Великие Магистры вглядывались недолго. Пусть они и оставались в душе все теми же Старшими Магистрами, но думать все же умели. А когда как следует разглядели армию короля Арвалирена – Башня Архимага вновь сотряслась от громового хохота, только на сей раз смеялся он не один.

– Пропускать этого Арвалирена везде, войска с его пути убирать, заставы снимать, провиант подбрасывать, никаких преград не чинить, – распорядился Архимаг, – поставить на его пути парочку незаметных порталов, дабы сократить ему дорогу.

– Изумительно... – восхищенно прошептал один из Великих Магистров.

– Восхитительно, – чуть громче добавил второй.

– Гениально! – с триумфом возгласил третий, перекрывая их обоих. Первый с неприязнью уставился на второго, и оба они с откровенной ненавистью воззрились на третьего – но Архимаг, увлеченный своей идеей, ничего не заметил.

– Да, кроме того, – продолжал он, – пусть несколько наших отборных частей вступят с ними в битву и быстренько сдадутся в плен.

– Чтоб у Эруэлла были не только эти «герои», но еще и «пленные»? – улыбаясь, спросил один из Великих Магистров.

– Проследите, чтоб эти пленные хорошо осознавали свою задачу и не упустили нужный момент! – отозвался Архимаг. – А еще неплохо, если пленные будут обладать отменным аппетитом. Чтобы каждый жрал в три горла. Разве может Великий Король Эруэлл морить пленных голодом?

– Никаким образом не может! – разухмылялись Великие Магистры.

– А если может, то какой он, к чертям, король Светлого Оннера? – хихикая, добавил один из них.

– Кто станет поддерживать такого злодея? – добавил второй.

– Только мы! – заключил Архимаг, и тесная компания вновь расхохоталась.

– А нашу армию, раз она еще не добралась, придержите пока, – добавил Архимаг.

– Так точно, Ваша Милость! – хором гаркнули Великие Магистры.

– Ну вот, – добродушно улыбнулся Архимаг, – испепелять никого и не надо. Все свободны. Действуйте!

И задавил жирную зеленую муху у себя на подоконнике.

Эстен Джальн сидел на берегу реки. Эстен Джальн смотрел в воду. Его кисть едва касалась воды. Скользила... скользила...

Эстен Джальн смотрел на Архимага со всевозрастающим ужасом. Архимаг явно прогрессировал. Он учился на своих ошибках. Учился думать. Быстро учился. Куда быстрее, чем раньше.

Тень ли Силы Темных Богов была тому причиной или что иное?

Эстен Джальн не знал.

Все чаще он задумывался о своей ответственности за происходящее. За совершенную когда-то в горячке молодости ошибку. Все чаще ему приходило в голову, что именно он должен исправить содеянное. Вот только как это сделать?

Внезапно взгляд Архимага из довольного сделался пронзительным. Метнулся к Эстену. Художник едва успел мазнуть наотмашь кистью, разрывая контакт.

– Если бы так же легко можно было зачеркнуть самого Архимага, – пробормотал он, стирая с лица крупные, тяжелые капли.

Эруэлл сидел в своей палатке и озабоченно разглядывал клинок своего меча, когда полог отогнулся и в палатку вошел Линард. Лицо у него было на удивление безрадостное.

– Что случилось? – быстро спросил Эруэлл.

– Подкрепление на подходе, – морозным голосом отозвался Линард. – Что ж в этом такого ужасного? – изумился Эруэлл.

– А ты сам погляди, – предложил Линард, – ты такого за всю свою жизнь не видывал. Даже я не видал, а уж я подольше на свете живу!

– Скажи толком, в чем дело?! – обеспокоился Эруэлл.

– Этого не сказать! Это видеть надо! – горячо отозвался Линард. Встревоженный Эруэлл поспешил за Линардом прочь из палатки.

На холме, вглядываясь в рассветную даль, укрылись двое часовых-разведчиков.

– Кажись, неприятель катит! – проговорил Хриплый Молот. – Я до командира побегу или ты?

– Это не неприятель, – вздохнул Рыжий Хэк. – Это гораздо хуже. Это союзники. А лучше бы враги.

– Что, так плохо? – негромко спросил подошедший Эруэлл.

– Еще хуже, командир, – грустно усмехнулся Рыжий Хэк, – вы только посмотрите на это...

– Боги и демоны! – воскликнул Эруэлл, вглядываясь в даль. – Арвалирен – идиот!

– Одного не пойму, как же они все-таки добрались до нас, – задумчиво проговорил Хриплый Молот.

– Мне думается, я уже знаю ответ, – протянул Рыжий Хэк.

– Их пропустили, да? – хмуро спросил подошедший Линард.

– В этом нет никакого сомнения, – кивнул Рыжий Хэк.

В рассветных лучах солнца звонко запели трубы, эхом раскатились барабаны, весело запели скрипки... еще какие-то инструменты... и флаги... море развевающихся флагов весело расплескалось на ветру. Шедшее красивым строем пестро одетое войско весело пело восхитительно прекрасную песню.

– Арвалирен, – зло повторил Эруэлл.

– У них там акробаты! – потрясенно буркнул Хриплый Молот. – И жонглер! Чтоб мне помереть – жонглер! Этот Арвалирен, он что – псих?

– Он король, – мрачно отозвался Эруэлл. – Это куда хуже. С психом мы бы справились.

– У них там еще и пленные, – хмуро констатировал Рыжий Хэк.

– Пленные? – насторожился Линард. – Пленных я не углядел.

Нахмутив брови, он тревожно всмотрелся в приближающееся войско и помрачнел еще больше.

– Так-так, – тихо сказал он. – Пленные. Много. Ручаюсь, им ничего не стоит перебить своих пленителей голыми руками, но они этого не делают.

– Они знают, куда идут и зачем, – добавил Рыжий Хэк. – Они идут к нам.

– Значит, придется брать их в плен еще раз, – проговорил Линард, – зовите Герцога Седого с его людьми, гнома зовите!

– И анмелеров, – добавил Эруэлл, – а то мне жена голову оторвет, корону надевать будет не на что...

– А с самим Арвалиреном – как? – спросил Хриплый Молот.

– А позовите Тарная, пусть даст ему в ухо! – мстительно скривился Линард. – Нельзя же до такой степени быть дураком! Даже если ты король – нельзя!

Разведчики бесшумно исчезли.

Эруэлл и Линард остались на холме.

– У тебя проблемы с женой? – осторожно спросил Линард.

– Не знаю, – вздохнул Эруэлл, – наверное. Просто у меня никогда никакой жены не было. А теперь есть, и...

– И тебе страшно потерять ее, – сказал Линард.

Эруэлл кивнул.

– И ты прикрываешь ее в самых пустяковых стычках, бережешь не то что от меча или стрелы, от малейшего ветерка и дождика бережешь, словно она сахарная или бумажная, – сказал Линард.

Эруэлл вновь кивнул и вздохнул.

– Но она не сахарная и не бумажная, – продолжил Линард, – она воин и вождь своего народа. Ее люди составили большую часть нашей армии. Она не должна превращаться в комнатное растение, теряя авторитет в глазах своей дружины.

– Сначала ей вроде бы даже нравилось, что я ее опекаю, – проговорил Эруэлл, – а потом...

– Нравилось, пока ей казалось, что она может прекратить это по своей воле, – заметил Линард, – а ты проявил черствость, был неуступчив...

Эруэлл покачал головой и махнул рукой.

– Это нелегко. – кивнул Линард. – Ты можешь мне не поверить, ко я еще помню... помню, как нелегко то, что сейчас с тобой происходит. – Линард помолчал, глядя на приближающуюся армию Арвалирена и добавил: – В древнем каноне «О судьбе», забытом теперь уже каноне, было сказано, что люди делятся на тех, кто волен прожить свою жизнь так, как подскажет им сердце, и на тех, кто избран судьбой. Вы оба – и ты, и она – избраны, предназначены для великих свершений. И как бы тебе ни хотелось спрятать ее в уютный маленький мир у себя за пазухой, запереть в спальне, в замке за высокими стенами, как бы тебе ни хотелось – ты не можешь этого. Не имеешь права на это. Страшный грех – помешать чужому предназначению, а помешать предназначению любимого тобой человека – грех, страшный вдвойне. Ведь именно перед любимыми мы наиболее беззащитны. Их слова кажутся нам самыми справедливыми, их желания принимаются, как свои собственные, а их мнения ранят больше всего. Извинись перед женой, Твое Величество, а то ведь по морде дам!

– Извинюсь, – улыбнулся Эруэлл. – Не надо по морде. Рука у тебя уж больно тяжелая. Он глубоко вздохнул, и лицо его просветлело.

Развеселая песня воинов Арвалирена звучала все громче.

– Боги, что я вижу! – вдруг простонал Линард.

– Что такое? – всполошился Эруэлл.

– У этого... этого... – От ярости Линард не находил слов. – У него там дети, у этого гада!

– Дети... – похолодев, выдохнул Эруэлл. – Какие еще дети?..

– Откуда я знаю какие?! Я его сначала убью, а потом узнавать стану!! – шипел Линард, глядя на торжественно приближающееся войско Арвалирена.

Герцог Седой подошел так бесшумно, что его можно было принять за разведчика. Если бы не топающий следом гном, Эруэлл мог бы его и не услышать.

«Или Герцог молодец, или я старею, – мелькнуло в голове у Эруэлла. – Будем считать, что первое, а то обидно».

– Я уже послал людей на фланги и в обход, – вместо приветствия промолвил Герцог Седой.

– Отлично! – кивнул Линард.

– Пока мы с вами будем вежливо раскланиваться перед Арвалиреном, а мой коллега герцог Тарнай бить морду своему властелину, мои люди помогут всем этим «пленным» действительно попасть в плен, – продолжил Герцог Седой. – Кроме того, у моего мага возникла мысль, что с ними потом делать.

– Очень своевременно! – с благодарностью воскликнул Линард. – По правде говоря, мне совсем не нравится идея посадить себе на голову такую ораву пленных. Их чуть не вдесятеро больше, чем нас.

Армия Арвалирена медленно спускалась с пологого холма. Утреннее солнце освещало ее щедро и безжалостно. С того места, откуда наблюдали Эруэлл и его соратники, она была видна как на ладони. Даже упившийся до синих драконов экзорцист разглядел бы самый крохотный бантик на самом последнем из воинов. Бантиков было много.

– Есть такое направление в живописи, – тихо сказал гном, – когда голову рисуют там, где ноги, ноги – там, где голову, а руки и вовсе изо рта торчат...

– Не понял, – озадачился Линард.

– Эта армия... она похожа на такую картину, – пояснил гном, вытаращенными глазами наблюдая, как люди и бантики медленно спускаются с холма.

– Да уж, – крикнул Линард.

– Особенно передняя часть армии, – продолжил гном, – просто модернизм и авангард какой-то...

– Им и в арьергарде делать нечего, – скрипнул зубами Линард, – и вообще в армии! Я бы им улицу мести не доверил.

Во главе армии, разумеется, ехал сам король Арвалирен, окруженный свитой блестящих молодых дворян. Дворяне действительно блестели. Вот только не доспехами. Взамен доспехов они были просто усыпаны драгоценностями. Ветер трепал их короткие яркие плащи всех мыслимых и немыслимых оттенков. Мало того, некоторые из них, видимо, для усиления собственного сияния и блеска, напудрили лица и волосы золотой и серебряной пудрой. Никакого оружия при них, разумеется, не было. Зато рядом с каждым ехал оруженосец, который и вез оружие своего господина. Церемониальную шпагу. Которую надевают по случаю королевских приемов и на танцы – чтобы потом изящно снять, красуясь перед дамами.

Именно вокруг этого собрания страшных снов любого нормального полководца и уви-
вались жонглеры, акробаты и музыканты.

А кони!

Изящные тонконогие создания с длинными холеными гривами, покрытые разноцветными шелковыми попонами. Кони, самой природой созданные для цирка, а не для боя.

– Эти кони не добрались бы сюда от Лангиари, – заметил Линард. – А у них такой вид, словно они совсем не устали.

– Порталы, – сказал гном.

– Думаешь, у них есть маг? – спросил Эруэлл.

– Думаю, нет, – ответил гном.

– Значит... – протянул Герцог Седой.

– Скорей всего, Ваша Милость. – кивнул гном, – как Вы и предполагали, это сделано нарочно.

– Арвалирен – предатель? – с сомнением промолвил Герцог Седой.

– Это было бы не так уж плохо, – вздохнул Эруэлл, – все гораздо хуже. Он – дурак. Ни одно предательство не способно принести столько вреда, как трудолюбивые старания благонамеренного дурака.

Армия Арвалирена состояла не из одной только свиты. Вслед за свитой – на таких же восхитительных, но абсолютно не приспособленных к походной жизни и сражениям конях – ехал лучший в Лангиари хор. Именно они и пели столь неподражаемо, услаждая слух королевской свиты, а заодно и господина Архимага, со злорадным хихиканьем вглядывавшегося в хрустальный шар. За певцами ехали знаменосцы. Несколько сотен изумительно прекрасных знамен с древними гербами и возвышенными девизами реяли над безумной армией.

– Что ж, по крайности на похороны тратиться не придется, – зло буркнул Линард, сплевывая на траву, – в этих тряпках и закопаем. Замечательные саваны для восторженных идиотов!

За знаменосцами ехали... дамы.

– Насколько я могу судить, это не девицы легкого поведения из армейского обоза, а настоящие придворные дамы... – растерянно заметил Герцог Седой.

Ему никто не ответил. Лишь Линард бормотнул короткое тяжелое словечко, больше всего схожее с жаргоном бринских портовых шлюх, но Герцог Седой засомневался, что такой великий и, несомненно, культурный человек, как Санга Аланда Линард, действительно может знать столь низкие и гадкие вещи.

Лишь некоторые из дам были в одеяниях, которые женщине принято надевать на большую королевскую охоту; остальные, казалось, вот только что покинули бальную залу и ненароком оказались в седле.

В руках дам поблескивали золоченые шпаги, и дамы развлекались, пуская солнечных зайчиков в кавалеров, ехавших позади, а также поправляли прически, глядя на свои отражения в сверкающих гардах.

За дамами ехали кавалеры. Не такие знатные, чтоб сопровождать короля, но достаточно безмозглые, чтоб оказаться разодетыми во все цвета ночных кошмаров и быть при этом абсолютно никуда не годными.

За кавалерами вновь ехали дамы, за дамами – опять кавалеры.

Кавалеры... дамы...

Дамы... кавалеры...

– А ведь нам их кормить, – озабоченно проворчал Герцог Седой.

– Вот именно, – сокрушенно кивнул Линард.

Вслед за пестроцветьем кавалеров и дам на маленьких лошадках ехали те, из-за кого Линарду так хотелось удавить дурака Арвалирена, – дети. Мальчишки и девчонки с шести до четырнадцати лет.

И Линард, гвардейцев короля Найрита по малолетству и недостатку опыта в бой не пускавший, задыхался от ярости, глядя на совсем еще сопливых мальчишек и девчонок, волей венценосного идиота брошенных в самую гущу смертельных схваток с коварным и беспощадным врагом.

– Я его убью, – тихо и убежденно сказал он.

– Нас это не спасет, – возразил Эруэлл.

– Но, Эруэлл, – дети...

– Их это тоже не спасет, – ответил Верховный Король, – нужно придумать какой-то выход. И быстро.

Вслед за детьми ехали сопровождавшие их мамки, няньки и слуги. Вслед за слугами тянулся обоз, столь огромный, что вздумай Арвалирен в розницу распродать походное имущество своей армии на ярмарке в Брине, Денгере или еще каком охочем до торговли месте, раньше чем за месяц вряд ли бы управился. Вот обоз волокли настоящие кони! Другие бы

попросту не справились. А за обозом... за обозом следовало некоторое количество тех, кого при более удачном стечении обстоятельств действительно можно было бы счесть кусочком настоящего войска, – люди, лишь случайно попавшие в «великолепную армию» Арвалирена. Люди, для которых такие понятия, как «священная война», «великая битва», «жаркая схватка» и «хитрый маневр», не были всего лишь изящными оборотами в песнях придворных менестрелей.

– Да тут, пожалуй, и настоящих воинов какая сотня наберется! – обрадованно заметил Линард.

– И это как раз те, кто меньше всего нравится Его безмозглому Величеству! – ядовито изрек Герцог Седой. В арьергарде собрались в основном старики и те, кто не пожелал ридиться в пестрое тряпье, те, кто отказался сменить боевой меч на церемониальную шпагу. Из-под дорожных плащей тускло сверкали кольчуги. Боевые кони тяжело ступали по земле.

Его Величество король Арвалирен выразил свое высочайшее недовольство их внешним видом, равно как поведением и манерами, но снизошел к их заслугам и сединам, милостиво позволив сопровождать Его достопамятное воинство, дабы и этих несчастных мог осиять светоч Его военного гения.

По обеим сторонам сверкающей всеми цветами радуги армии Арвалирена двигались две пешие колонны, по численности едва ли намного уступавшие самой армии. Сильные, крепко сбитые, хмурые люди, составляющие эти колонны, являли собой разительный контраст пустоголовым щеголям Арвалирена. Это были пленные. Точней – «пленные». За каждой колонной ехала подвода с отнятым у них оружием. Каждую подводу охраняли два «разноцветных» всадника. И каждую колонну – тоже двое.

– Им же ничего не стоит вновь завладеть оружием, – пробормотал Линард. – этот Арвалирен... нарочно он, что ли... да от его конвоиров и тряпочек цветных не останется... эти ребята их голыми руками... и те, что сзади, – не спасут, не поспеют... обоз помешает...

– Они нас ждут, – вдруг убежденно сказал Эруэлл, – нас они будут рвать на тряпочки, а не этих...

– Значит, их нужно брать раньше. Сейчас, – промолвил Линард.

– Йолн, свяжись с ребятами, передай мой приказ, пусть начинают, – сказал Герцог.

– Сделано, – через мгновение кивнул гном.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно заметил Герцог Седой, – значит, никаким оружием эти голубчики уже не завладеют. Смею вас заверить, господа, что аргельские стрелы летают быстрее, чем бежит ронская гвардия.

Аргельские стрелки появились неожиданно. Только Эруэлл умудрился заметить, как чуть встрепенулась трава и неслышно вздохнули кусты, когда серые, размытые в пространстве тени метнулись к подводам с ронским оружием. Несчастных горе-конвоиров повязали мгновенно и бережно. Никто из них не то что охнуть – рта раскрыть не успел. Еще миг – и они, связанные, с надежно заткнутыми ртами, кубарем покатались в те кусты, из которых мгновением раньше выскочили воины Аргелла.

– Изумительно, Герцог! – выдохнул Эруэлл. Смущенный Герцог Седой довольно крикнул.

– По-другому не умеем! – гордо сказал он.

А его воины уже вскочили на подводы, и знаменитые аргельские стрелы грозно глядели с их луков, готовые нести смерть стремительную и неотвратимую. Подводы с оружием оставались. Армия короля Арвалирена продолжала свое торжественное шествие, и вместе с ней шагали колонны «пленных». Все было сделано столь быстро и тихо, что «пленные» еще не поняли, не заметили, что до оружия, до которого, казалось, рукой подать, – да и кто им помешает, не эти же хлюпики в цветных тряпочках? – до привычного, желанного, такого

родного оружия становится все дальше и дальше, и слишком длинные потребны руки, чтоб до него дотянуться, им такие не отрастить.

А потом аргельские стрелки окружили их со всех сторон – и ронские гвардейцы поняли, что притворный плен стал реальным. Их командиры бросали яростные жадные взгляды в сторону подвод, но тщетно – подводы двигались в обратную сторону. Быть может, у них и была еще надежда прорваться, но ее безжалостно убили шумно выломившиеся из-за кустов анмелеры. Блеск обнаженных мечей... еще луки... анмелеры, конечно, не чета аргельским стрелкам, но есть ли тебе разница – убьют тебя легкой эльфской стрелой прямо в глаз или тяжелая, на морского зверя налаженная стрелища, нырнув с рыбацкого лука, разорвет тебе грудь? Если и есть разница, то она явно в выборе способа смерти, а если умирать неохота, то лучше просто постоять тихо, тебе что – больше всех надо? Ах, нет?! Ну так и стой себе. Люди стоят – и ты стой... и до оружия не доберешься... никак не доберешься. Тут разве что маг какой управится. Вот пусть и управляется, мать его! Маги эту войну затевали, вот пусть сами и отдуваются. А мы – пленные. Безоружные. Мы, собственно, давным-давно уже сдались. И как выяснилось – правильно сделали. Потому как Арвалирен – это Арвалирен. А Эрүүл – это Эрүүл. Против ветра только дураки плюют.

– Оружие на землю!

Глазастые сволочи эти аргельцы. Что ж, придется отдать последнее. Уж больно неуютно смотреть на острия аргельских стрел. Кинжалы и кастеты, удавки и цепи, ножи и боевые иглы со звоном летели под ноги аргельских стрелков.

Архимаг хорошо снабдил своих людей, и если бы не эти скользкие проныры со своими луками... ведь как из-под земли выскочили, поганцы! Ну ничего, переглядывались между собой командиры, приказание Его Милости еще может быть выполнено, есть ведь и запасной вариант, как раз на такой случай. Каждый из их воинов способен жрать не то что в три, но даже и в четыре горла. Уж это-то оружие у них никто не отнимет! А продовольствие – не последняя вещь во время войны. Далеко не последняя.

Армия Арвалирена продолжала торжественный марш, совершенно не замечая, что вместо пленных ее с обеих сторон окружает редкая цепочка аргельских стрелков. Шла, как во сне, горделиво потрясая древними гербами и новенькими знаменами... впрочем, она ведь и была сном, эта бредовая армия – сном, который, к несчастью, случился вяве.

Впрочем, некоторые персонажи этого кошмара тщетно пытались проснуться. Отдельные кавалеры, дамы, а также большинство детей беспокойно озирались по сторонам, явно сообразив, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Но они не знали, не могли знать, что следует делать в подобных случаях, – а король, сопровождаемый свитой, скакал все так же горделиво и спокойно, оркестр грохотал марш, хор ревел песню, акробаты кувыркались, жонглеры жонглировали... словом, даже если кто-то и попытался выкрикнуть какое-то предостережение, то его голос все равно потонул в общем помпезном грохоте.

Чуть было не испортил дело арьергард армии Арвалирена. Та сотня настоящих воинов, которым удалось-таки затесаться в его невероятную армию. Уж они-то живо смекнули, в чем дело! И мечи покинули ножны с молниеносной быстротой. Только доспехи звякнули.

А еще все-все поняли бывшие при обозе слуги. Слуги всегда все понимают... хотя и не всегда правильно. Обоз остановился. Слуги попрыгали под днища подвод и сделали вид, что их не существует в природе. В самом деле, подать на стол да почистить господину сапоги – вот их дело. А когда господа за мечи хватаются, тут уж пусть они сами! Слугам за это не платят!

Аргельские стрелки управились и тут. Впрочем, и возле подвод, и в арьергарде переговоры были достаточно мирными. Едва поняв, что их атакуют не враги, а союзники, да на самом деле и не атакуют вовсе, а старательно пекутся о всеобщей безопасности... и разве они сами не видят, в какую ловушку угодил их король? Видят. Конечно, видят. Еще бы им не

видеть, да кто их слушал. Вот. А теперь будут слушать. Именно их и будут. Его Величество Король Эруэлл Первый, Верховный Король Оннерского Союза и прочая, прочая... именно их приглашает на свой военный совет. Их – и никого другого. Так что в общем и целом переговоры прошли успешно. Правда, некоторые решили, что союзники с оружием на изготовку – это уже и не союзники вовсе, но даже эти серьезные люди не решились спорить с грозной славой аргельских стрел.

Иными словами, армия Арвалирена, лишенная пленных, обоза и арьергарда, бодро продолжила свой путь.

– Что ж, и нам пора, – проговорил Эруэлл, поднимаясь.

– Кони готовы, командир, – из кустов отозвались братья Данелаи. – Наши все здесь? – спросил Эруэлл, сбега с холма.

– Винк запропастился куда-то! – с недоуменным возмущением отозвался Рыжий Хэк.

– Остальные здесь, – добавил Рэй Сломанный Дракон.

– Садитесь, командир. – Усатый Могила держал под уздцы коня Эруэлла.

Линард, Герцог Седой и гном Йолн Холнамуртен присоединились к ним. Эруэлл оглянулся в поисках Шенген, но не обнаружил ее поблизости.

– Она со своими людьми, – негромко подсказал Линард.

«Обязательно надо будет извиниться», – подумал Эруэлл. – Гвардейцы Байета? – вскакивая на коня, спросил Эруэлл.

– Будут следом за нами, – ответил Орн Тарнай.

– Арвалирен твой, Ваша герцогская Милость, – напомнил Эруэлл.

– И на сей раз набей ему рожу как следует! – добавил Линард. – Чтоб ни в одно зеркало своего дворца не умещался! Чтоб его сзади сапогом пропихивать приходилось!

– Слушаюсь, Ваши Устрашающие Величества! – ехидно отозвался Орн Тарнай. – Рожа моего властелина будет доведена до надлежащей кондиции в самое ближайшее время!

Армия короля Эруэлла выехала навстречу приближающейся армии короля Арвалирена.

– Никогда не видел такого количества идиотов одновременно, – бурчал Линард, – мы уже целую минуту скачем им навстречу, а нас все еще не заметили!

– Заметили, – отозвался Эруэлл. – Арвалирен нас заметил.

– Не может быть, – ядовито обрадовался Линард, – этот кретин, этот болван, этот сын волосатой черепахи и лысого зайца способен хоть что-то заметить?!

– Какой слог! – восхитился Орн Тарнай. – Как сказано! Можно я потом слова перепису?!

– Маленький еще! – рыкнул Линард.

– Ругаться в присутствии детей – нехорошо, – печально укорил Тарнай. – Все-все, – тут же добавил он, – молчу. А что касается Его Величества Арвалирена, из личного герцогского опыта могу подтвердить – король действительно способен что-то заметить... правда, никогда не ясно, что именно он заметит и в какой последовательности, и заметит ли он то, что нужно. Например, то, что я даю ему именно оплеухи, он осознал, отхватив четвертую, а затрещину, так и вовсе с шестого раза распознал. Так что до Его Заторможенного Величества действительно что-то доходит. Но о-очень медленно. И с ужасным скрипом. Что поделаешь – король.

И Орн Тарнай стрельнул в сторону Эруэлла таким ехидно-веселым взглядом, что тот едва не покатылся со смеху.

– Тарнай! Ухи надеру! – пригрозил он. – У нас тут, как говорится, важная встреча в верхах, а ты издеваешься!

– Арвалирен какой-то странный, – негромко заметил Герцог Седой.

– Я думаю, это слабо сказано! – фыркнул Линард. – Станный! У меня и вообще нет никаких достаточных слов для человека, собравшего подобную армию. Никаких слов. Одни жесты.

И рука Линарда рывком скомкала воздух.

– Я не это имею в виду... – возразил Герцог Седой. – Он... другой. И ведет себя – не так, как всегда.

– А ведь и верно, – обеспокоенно заметил Эруэлл, – ишь, по сторонам оглядывается. Еще шум поднимет.

– Только шуму нам и не хватало, – теперь забеспокоился и Линард. – Там же дети!

– Шума не будет, – внезапно подал голос гном Йолн Холнамуртен. – Он и вообще ничего не скажет и не прикажет.

Гном пробормотал короткую трескучую фразу. Что-то вырвалось из его руки и стремглав улетело к Арвалирену. Уже открывшему было рот Арвалирену.

– Оп! – тихонько воскликнул гном, и нечто угодило прямо в открытый рот короля. Челюсти Арвалирена задвигались.

– Готово, – удовлетворенно кивнул гном.

– Что это?! – воскликнул Эруэлл. – Что ты с ним сделал?

– Это пирожок, – невинно ответил гном. – Я его накормил.

– Он прожует и завопит, словно его режут, вот увидишь, – мрачно предрек Линард.

– Он не прожует, – ухмыльнулся гном. – Это специальный гномский пирожок, как раз для таких случаев. Едва он прожует последний кусочек этого пирожка, как во рту тут же появится еще один пирожок.

– А не обожрется? – любопытствовал Герцог Седой.

– Не обожрется, – успокоил Герцога Йолн Холнамуртен. – На самом деле там и вовсе пирожка никакого нет. Иллюзия.

– Иллюзия? – переспросил Герцог Седой. – Тогда ладно. Тогда пусть жрет.

Эруэлл оглянулся и увидел по левую руку от себя королеву Шенген и несколько анмелеров из ее дружины.

Войско короля Арвалирена волновалось все сильнее, но сам он невозмутимо жевал бесконечный пирожок, и остальным волей-неволей пришлось присоединиться к своему королю в его невозмутимости: жонглеры жонглировали, акробаты акробатили, дворяне дворянились, музыканты музицировали, и одни только дети вели себя, как и положено детям, то есть вполне вменяемо – хмурили брови, старательно сплевывали сквозь зубы, хриплыми голосами бормотали грязные ругательства и украдкой точили кинжалы.

Завидев сие волнительное действо, Линард украдкой стряхнул скупую слезинку.

– Настоящие воины! – шепнул он Эруэллу. – Вот эти дети – воины! Не то что вся эта дрянь. Во-первых, все поняли. Пусть неправильно, но поняли. Во-вторых, как и положено воинам, готовятся к смерти, а не к балету.

Эруэлл был полностью согласен с Линардом, но у него были свои проблемы. И решать их нужно было здесь и сейчас. Потом армии встретятся, и он не успеет...

Пришпорив коня, он подъехал к Шенген и обнял ее за плечи.

– Прости! – шепнул он ей на ухо. – Я это... ну... одним словом, я больше не буду досаждать тебе опекой!

Королева обняла его и, поцеловав, ответила:

– Ну конечно же, будешь. А я, думаешь, зачем сюда приехала?

– И ты – тоже? – рассмеялся Эруэлл.

– Ну конечно, – улынулась Шенген. – Должен же тебя хоть кто-то охранять? Ты ведь, в сущности, такой хрупкий и ранимый.

– А мне казалось, что я большой и страшный! – окончательно развеселился Эруэлл.

– Да, конечно, – прижавшись щекой к его плечу ответила Шенген, – ты ужасно большой и ужасно страшный, совсем как я...

Армии встретились.

Линард завел длинный и возвышенный приветственный монолог, выдержанный в самых изысканных придворных тонах. Арвалирен милостиво кивал, не переставая жевать. Кивал он столь благодушно и выглядел столь покладисто, что, заканчивая свою речь, Линард решил рискнуть и выразительно посмотрел на гнома. Тот мигом все понял и одним мановением пальца избавил короля от Проклятия Вечной Булочки. Арвалирен благодарно посмотрел на Линарда и в короткой ответной речи поблагодарил союзников за теплый прием. Обстановка разрядилась. Даже детишки перестали точить кинжалы. Мальчишки принялись прицельно плевать на хвосты коней тех, кто ехал перед ними, а девчонки старались украдкой дернуть кого-нибудь из парней за волосы.

Эруэлл смотрел на Арвалирена во все глаза. Линард и Шенген еще ничего не поняли, но он-то знал... знал, что человек, сидящий на коне Арвалирена, одетый в одежду Арвалирена, спрятавший свое лицо под лицом Арвалирена, человек, занявший место Арвалирена, на самом деле не Арвалирен. Эруэлл смотрел на «Арвалирена» во все глаза. Он не мог ошибиться. Слишком долго он знал того, кто занял место непутевого монарха.

– Линард, – шепнул он, наклонившись к уху своего полководца, – Линард, это не Арвалирен!

Тот в недоумении воззрился на него.

– Линард, это – Винк! – шепнул Эруэлл. – Заканчивай побыстрее церемонию и тащи этого энтузиаста в мою палатку! Копия хороша, но нужно же выяснить, куда он дел оригинал!

– Ты совершенно уверен? – спросил Линард.

– Совершенно, – ответил Эруэлл.

Линард вздохнул и в две-три фразы виртуозно закончил церемонию, умудрившись соблюсти все мыслимые и немыслимые правила и этикеты, после чего пригласил всех проследовать в походный лагерь армии Эруэлла.

А затем, подмигнув гному, одними губами шепнул:

– Повторить!

Магов из племени гномов дважды упрашивать не нужно. Им только дай повод проявить свое искусство. Так что когда лже-Арвалирен в сопровождении Эруэлла, Шенген, Линарда, Герцога Седого, гнома и остальных ехал в лагерь, жевал он при этом так, что за ушами трещало.

Придворные Арвалирена отлично устроились в лагере Эруэлла. Совсем немного гномской магии – и самодельное пиво уже казалось им лучшим вином из королевских подвалов. А серый хлеб с крестьянским сыром – остатки запаса, сделанного еще в Денгере, – изысканной дичью с заморскими приправами и специями.

А дети... детей околдовывать не пришлось. Им и без того все понравилось. Они ходили по настоящему военному лагерю. Знакомились с настоящими воинами. Трогали боевое оружие. Хвастались собственным. В общем, вели себя так, как и положено настоящим детям. И хлеб с сыром их вполне устраивал.

Войдя в свою палатку, Эруэлл устало рухнул на первое, что попало под ноги. Следом, подталкиваемый в спину Линардом, важно прошествовал жующий «Арвалирен». За ними вошли Шенген, Герцог Седой и гном.

– Где Арвалирен? – рявкнул Эруэлл, сердито уставясь в жующую физиономию.

– Э-м-м... вим-м-м... – промычал в ответ Винк Соленые Пятки, продолжая жевать и бурно жестикулируя. – У-м-м...

– Винк, где Арвалирен?! – взревел Эруэлл. – Куда ты его дел?!!

– Ва-ви-ве... ваветить! – взмолился жующий Винк. – Ва-ве-вави-ву!

– Мне не до шуток! – прошипел Эруэлл, – Куда ты дел этого идиота?!

В ответ Винк ткнул пальцем в Эруэлла и что-то обиженно буркнул.

– Йолн, освободи же его! – воскликнул Герцог Седой.

– Сию минуту, Ваша Милость, – ответил гном, торопливо бормоча заклинания.

– Тьфу, Ваше Величество, как вы меня замаяли! – выдохнул Винк, выплевывая остатки иллюзорной булочки.

– Где Арвалирен, черти бы тебя маяли?! – рыкнул Эруэлл.

– Вообще-то вы на нем сидите, командир! – хихикнул Винк Солёные Пятки.

– Как?! – словно укушенный подскочил Эруэлл.

– А так. Я его в ковер закатал... от греха подальше.

Закатанный в ковер и перевязанный красивой ленточкой Арвалирен был тем самым первым попавшимся, на что усталый и задерганный Эруэлл сел не глядя.

– Проклятие! – пробормотал Эруэлл.

Возникал не совсем красивый политический момент.

Или прецедент?

На королей все-таки вот так запросто не садятся.

Или теперь будут?

– Освободить его? – неуверенно спросил Эруэлл.

– Освободить. – кивнул Линард. – Только сначала я Тарная позову. У них, как-никак, общий язык имеется. Оплеухи, подзатыльники... как-нибудь столкнутся.

– Главное, чтоб им переводчик не потребовался, – фыркнул Винк Солёные Пятки. – Имейте в виду, я за это грязное дело нипочем не возьмусь.

– Ты вообще молчи, – буркнул Эруэлл, – кто тебя просил самостоятельностью заниматься?

– Пойду гляну, куда этот паршивец Тарнай подевался, – сказал Линард, – когда он не нужен – он тут как тут, зато когда вдруг понадобился...

– Столь прочувствованный монолог может значить лишь то, что я вам уже понадобился, – улыбаясь заметил Орн Тарнай, входя в палатку. – Что, уже пора приступить к своим прямым герцогским обязанностям?

– Уже пора, – кивнул Линард. – Давно пора.

Взгляд Орна Тарная упал на Винка Солёные Пятки, все еще стоящего в гриме «Арвалирена».

– Добрый день, Ваше Величество! – лучезарно улыбнулся Тарнай, замахиваясь для основательнойopleухи.

Орн Тарнай – неплохой разведчик, но до Эруэлла или того же Винка ему далеко. Вот не узнал он своего сослуживца в этом гриме. Не узнал и все! Его рука со свистом разрезала воздух и почти достигла своей цели. Не ожидавший подобной ерепени Винк Солёные Пятки парировал бессознательно и жестко. Орн Тарнай взвыл, схватившись за ушибленную кисть. Вытаращив глаза, он уставился на «Арвалирена», вдруг ставшего недурным бойцом. На Арвалирена, чьи безвольные руки вдруг превратились в каменные.

– Кажется, я переоценил свои способности, – растерянным голосом пробормотал Орн Тарнай. – Передаю свои герцогские полномочия тому, кто с ними управится.

– Мое почтение Мастеру, обучившему Ваше Величество... – Орн Тарнай поклонился «Арвалирену». – Он совершил невозможное...

– У нас был один учитель, Тарнай, – усмехнулся Винк Солёные Пятки, сдирая «королевский» грим, – просто некоторые уроки я усвоил чуть лучше, чем ты. Извини за жесткий блок. Я, видишь ли, слегка растерялся. Трудно проглотить сотни полторы не то пирожков, не то булочек и остаться в своем уме.

Лицо Орна Тарная вытянулось. Он выглядел до того ошарашенным, что никто не смог удержаться от смеха.

По всему лагерю сновали пустоголовые красавцы Арвалирена, важно покачивая бедрами, бродили прекрасные дамы, похожие на породистых лошадей, аргельские стрелки все еще сторожили ронскую гвардию, безоружную, но многочисленную, на полу, прямо у ног собравшихся, возлежал самым беспардонным образом завернутый в ковер властелин всея Лангиари, где-то, быть может рядом, ждали своего часа враги – а здесь, в королевской палатке, стоял смех. Он пришел, потому что был нужен. Потому что без него было никак. Опытные воины знают, что без хлеба еще можно кое-как выжить, а вот без смеха не выживают.

– Каких еще булочек? – потрясенно спросил Орн Тарнай, чем вызвал новый взрыв смеха.

– Это он сидел на коне вместо Арвалирена, – сквозь смех пояснил Эруэлл, – мы ведь боялись, что он что-нибудь не то скажет... то есть не он, конечно, а Арвалирен... а он для того и упаковал Арвалирена, чтобы тот ничего не сказал... но мы-то не знали... и тогда Йолн наколдовал ему несъедаемую булочку...

– А где Арвалирен? – спросил Орн Тарнай.

– Вообще-то в этом ковре... – смутился Эруэлл.

Орн Тарнай оглядел всех присутствующих с таким видом, будто вдруг засомневался в их душевном здоровье.

– И он слышит все, что мы говорим? – тихо полюбопытствовал Тарнай.

– Вообще-то – да... – еще больше смутился Эруэлл.

– И чего вы от меня хотите? – ехидно осведомился Тарнай.

– Я думаю, ты сам понимаешь – чего, – вкрадчиво проговорил Линард.

– Ха! А что мне за это будет?! – фыркнул Орн Тарнай.

– Его Величество король Эруэлл простит тебе те дерзости, которые ты ему наговорил, и – так и быть, не станет рубить голову, – пообещал Линард.

– Неужели?! – восхитился Тарнай. – Я так тронут его пронзительной щедростью!

– Будешь дерзить – четвертую. А потом уши надеру, – с мягкой улыбкой пообещал Эруэлл.

– Жестокий вы человек, командир, – насупившись, промолвил Орн Тарнай, – чуть что – сразу за уши... больно же...

– Будешь выпендриваться – корону подарю, – пообещал Эруэлл.

– Шуточки у вас, командир. – Орн Тарнай с шутливым ужасом схватился за голову, словно ее уже придавила пудовая тяжесть невидимой короны. – Все понял. Приступаю к воспитанию Вашего вассала и моего сюзерена. Прочие могут быть свободны. Так сказать, во избежание всяких неизбежностей и прочих неблагоприятностей.

– Я думаю, мы и в самом деле пойдем, – проговорил Герцог Седой, – нужно разобраться с пленными.

– И заняться детьми, – добавил Линард.

– И придурками, – вздохнул Эруэлл.

– Идем, – сказала Шенген.

– Ваше Величество, я ведь так и не успел сказать, – обратился Йолн Холнамуртен к Эруэллу, – это насчет того, куда пленных девать.

– Вот по дороге и расскажешь, – кивнул Эруэлл, вскакивая в седло. – Эту проблему нужно решить немедленно. Слишком опасно держать их при себе.

– И отпускать нельзя, – добавил Линард. – С этой «армией», что нам подкинул «славный воитель Арвалирен», у нас нет никакой свободы маневра. Стоит нам их отпустить, как

чертовы маги тут же подкинут им через портал оружие, и у нас под боком появится армия побольше нашей.

– Но нельзя же их всех убить! – возмутилась Шенген.

– Нельзя, – кивнул Линард. – Это будет самое худшее. В такой крови утонет любая идея. Даже самая великая. Хладнокровно перебить сдавшихся в плен? Безоружных? Чем тогда Оннер будет отличаться от Голора? И у кого из нас хватит духу отдать такой приказ? Кто станет подчиняться такому приказу? Искренне надеюсь, что таковых в нашей армии нет. Нет, убивать их нельзя... – помолчав, добавил он.

– И не нужно, – сказал Йолн Холнамуртен. – Я уведу их.

– Уведешь? Но куда? – удивился Эруэлл.

– Подальше отсюда, – ответил гном. – В такое место, откуда они выберутся денька через три, не раньше.

– Этого бы хватило, – кивнул Линард, – враг должен быть совсем рядом, и если этих ронских вояк не окажется рядом во время битвы... это было бы здорово!

– Я отправляюсь прямо сейчас, – заявил гном.

– Насколько я понимаю, ты хочешь сказать, что сделаешь это один? – спросил Герцог Седой.

– Не совсем один, Ваша Милость, – усмехнулся гном, – я собираюсь призвать на помощь своих воинов.

– Своих воинов? – нахмурился Герцог Седой. – Не понимаю.

– Любой художник, особенно если он маг, может собрать армию, равной которой не будет ни у одного из властителей этого мира, – ухмыльнулся Йолн Холнамуртен, – ни у одного, Ваша Милость.

– Ты говоришь об армии своих сородичей? – Любопытство и настороженность мешались в голосе Герцога Седого.

– Да нет, почему же только сородичей? – удивился гном. – Я могу призвать в свою армию кого угодно, могу составить ее из одних только героев и великих воинов, могу даже из одних только королей... самое смешное, что мне это и гроша стоит не будет.

– Счастье, что художники не пытаются захватывать власть, властителям было бы трудно что-либо им противопоставить, – задумчиво промолвил Герцог Седой.

– Не все так страшно, – ответил гном. – В мире все устроено разумней, чем кажется на первый взгляд, Ваша Милость. Художник, захвативший власть, перестает быть художником. Он становится властителем, и ему приходится заботиться о численности и силе своих армий как же, как и прочим властителям. И если он призвал себе на помощь непомерно большую армию, он просто не сможет прокормить ее, я уж не говорю – заплатить ей. В таких случаях армия обычно сама заботится о дальнейшей судьбе несостоявшегося властителя.

– Очень утешительное известие, – проворчал Герцог Седой. – И как же ты призовешь своих воинов?

– Я их нарисую, – ответил гном, – вот здесь. На ладони.

Ехать пришлось недолго. Пленные все еще стояли на холме, окруженные аргельскими стрелками и анмелерами.

– Ваша Милость, – обратился гном к Герцогу Седому, – и Вы, Ваше Величество, – добавил он, обратившись к Шенген, – было бы неплохо, если бы Ваши воины построили пленных в одну колонну и направили их промеж во-он тех холмов. И еще скажите им, что по дороге их сменяют другие воины – и пусть они не удивляются тому, что увидят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.